*Богословско-историческая коллекция*

**Духовные учебные заведения**
**и духовное просвещение в России**

**Прилежаев Е.М.**

# ШКОЛЬНОЕ ДЕЛО В РОССИИ ДО ПЕТРА ВЕЛИКОГО И В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Странник, 1881, т. 1,
с. 1-25, 195-218, 387-407

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
**www.uchkom.info**

Издательство «Аксион эстин»
**www.axion-estin.ru**

Духовно-просветительский
центр «Иліотропіонъ»
**http://andreyblag.ru**

Москва, 2013

# ШКОЛЬНОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ

## до Петра Великаго и въ началѣ XVIII вѣка.

(Историческій очеркъ).

4 октября 1699 года, царь Петръ Алексѣевичъ, навѣстивъ больнаго патріарха Адріана, говорилъ съ нимъ о современныхъ нуждахъ Россіи. Между прочимъ государь обращалъ патріаршее вниманіе на то, что „священники ставятся—грамотѣ мало умѣютъ: еже бы ихъ таинствъ научати и ставити въ тотъ чинъ". Государю весь вообще строй русскаго образованія казался не годнымъ, и онъ намекнулъ патріарху о новой программѣ, въ духѣ которой, по его мнѣнію, слѣдовало повести дальнѣйшее движеніе этого дѣла. Государь намѣревался передѣлать созидавшуюся въ Москвѣ школу въ такомъ направленіи, чтобы „изъ школы во всякія потребы люди благоразумно учася происходили,—въ церковную службу, и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство" [1]).

Но—въ какомъ же положеніи находилась школа московская предъ временемъ Петровской реформы, и что представлялъ собою строй образованія, складывавшійся до той поры въ Русской землѣ?

---

[1]) *Устряловъ*, Исторія царств. Петра В., т. III, прилож. VII, № 45.

## I.

Исторія русскаго образованія ведетъ свое начало отъ времени принятія православной христіанской вѣры Русской землей. „До конца X вѣка Русь складывала свое физическое существо, собирала землю, какъ необходимое тѣло для воспріятія жизни духовной. При Владимірѣ Богъ вдохнулъ въ нее душу безсмертную: въ этомъ земномъ тѣлѣ водворены были великія истины Христовой вѣры, а съ нею и духовныя начала человѣческаго самосознанія и самопознанія“ [1]). Русскій народъ сталъ самоопредѣляться въ смыслѣ православія. Русская душа по природѣ своей—православная, и великія нравственныя начала православія, совпавъ съ стихійными свойствами русскаго народнаго духа, крѣпко залегли въ основѣ русской мысли и жизни и обусловили своеобразіе и самобытныя стремленія русскаго образованія. Мысль о просвѣщеніи Россіи слилась во едино съ мыслію о православіи.

На первый взглядъ можетъ показаться, что религіозный характеръ древне-русскаго книжнаго просвѣщенія, которое въ христіанской вѣрѣ имѣло свой источникъ и въ богословскомъ ученіи свое средоточіе, всякія же другія знанія, заимствуемыя съ христіанскимъ ученіемъ изъ Византіи, цѣнило какъ пособіе для усвоенія истинъ христіанства,—находился въ соотвѣтствіи съ общимъ богословскимъ направленіемъ европейскаго просвѣщенія въ средніе вѣка [2]). Но, при види-

---

[1]) *Забѣлинъ*, Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Ч. I. М. 1875, стр. 481.

[2]) „Пробѣгите, говоритъ Гизо, исторію съ V и до XVI в.: богословіе владѣетъ и правитъ человѣческой мыслью, всѣ мнѣнія носятъ печать богословія; философскіе, политическіе, историческіе вопросы разсматриваются постоянно съ точки зрѣнія богословской. Богословскій духъ былъ, такъ сказать, кровью, обращавшеюся въ жилахъ европейскаго міра... И вліяніе это было благотворно. Оно не только поддержало и оплодотворило умственное движеніе въ Европѣ, но система ученія и началъ, во имя которыхъ оно дѣйствовало, несравненно превышала все то, что когда либо извѣстно было древнему міру. Въ немъ былъ залогъ и движенія и прогресса“. Histoire de la civilisation en Europe, sixième leçon. Paris, 1857, p. 151—152.

момъ сходствѣ направленія, существовало глубокое различіе въ духѣ и характерѣ той и другой образованности. Элементомъ западно-европейскаго просвѣщенія, кромѣ и прежде христіанства, была древне-римская образованность,—и преобладаніе разсудочности, составлявшей, по мѣткой характеристикѣ одного изъ нашихъ отечественныхъ мыслителей, отличительную особенность латинской цивилизаціи [1]), существенно, какъ еще замѣтимъ, отразилось на строѣ западнаго богословія и европейскаго просвѣщенія, послѣ отдѣленія запада отъ вселенской церкви. Древне-русское просвѣщеніе складывалось при особыхъ условіяхъ. Не наслѣдовавъ образованности древне-языческаго міра, и не заимствуя пока изъ Византіи классическихъ сокровищъ этого міра, возбужденный христіанствомъ русскій духъ, въ силу своихъ, такъ сказать, натурныхъ особенностей, устремился къ усвоенію чистой и цѣльной истины Откровенія и той философіи христіанства, которую представляли творенія отцевъ вселенской церкви и которая возвышала разумъ отъ разсудочнаго механизма къ высшему нравственно-свободному умозрѣнію и „все современное развитіе наукъ и разума связывала въ одно всеобъемлющее созерцаніе вѣры“. Была и другая великая особенность въ древне-русскомъ образованіи, состоявшая въ томъ, что ученіе христіанства, ставшее краеугольнымъ камнемъ нашего просвѣщенія, могло быть предложено для усвоенія нашимъ предкамъ на родномъ славянскомъ языкѣ. Письменный языкъ, созданный св. первоучителями славянъ, „послужилъ орудіемъ для созданія нашей собственной письменности въ ту эпоху, когда вся письменность Европы была латинскою,—вслѣдствіе чего сами произведенія письменности могли быть распространены въ болѣе широкомъ кругѣ“ [2]). Сдѣлавшійся орудіемъ и выраженіемъ образованія, родной языкъ сталъ залогомъ его народности.

Усвоивая христіанское просвѣщеніе, выработывая право-

---

[1]) *Кирѣевскій*, О характерѣ просвѣщенія Европы. (Полн. собр. его сочиненій, т. 2).

[2]) *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская исторія, I, стр. 126.

славное самосознаніе при пособіи византійской образованности, древняя Русь стремилась однако пользоваться чужимъ руководствомъ безъ подобострастія и съ самостоятельнымъ къ нему отношеніемъ. Въ „Русской Правдѣ“, начала которой для оцѣнки преступленій и мѣры наказаній, по признанію ученыхъ, рѣшительно расходятся съ византійскимъ суднымъ уставомъ, мы можемъ видѣть прекрасное проявленіе національной самобытности русскаго просвѣщенія при первыхъ же шагахъ его. Точно также, повинуясь носимому русскимъ духомъ христіанскому началу братства, Русь осталась чужда византійскимъ понятіямъ о высокомъ превосходствѣ греко-римскаго міра передъ варварскимъ и связанному съ ними раздѣленію образованныхъ сословій и необразованной народной массы въ романо-германскомъ мірѣ. Для русскаго просвѣщенія такой истинно-христіанскій взглядъ долженъ былъ имѣть великое значеніе. Онъ не замыкалъ Русь въ національной исключительности и позволялъ ей усвоять своей цивилизаціи все полезное отъ иностранцевъ; съ другой стороны онъ исключалъ господство интеллигентнаго класса надъ массою и способствовалъ равномѣрности русскаго просвѣщенія. Русская школа искала тѣсной связи съ народомъ, люди всѣхъ состояній имѣли одинаковый доступъ къ образованію; для всѣхъ былъ одинъ и тотъ же характеръ знаній. „Разумѣется, преимущественное участіе въ образованіи принадлежало болѣе обезпеченнымъ классамъ, княжескимъ и боярскимъ родамъ, да лицамъ, болѣе къ тому призваннымъ,—духовенству, особенно духовнымъ властямъ“; но и весь народъ „могъ идти параллельно съ своими высшими классами и ходомъ поступательнымъ впередъ, вмѣстѣ съ успѣхами этихъ классовъ и съ развитіемъ самаго образованія“, имѣя „открытый доступъ къ школамъ и ко всѣмъ званіямъ, даже духовнымъ, и при этомъ встрѣчая важное удобство все читать на родномъ и понятномъ для себя языкѣ“ [1]).

Такимъ образомъ заря своеземпаго образованія начинала

[1]) *Лешковъ*, Русскій народъ и государство, стр. 420—421.

заниматься надъ Русью. Въ нераздѣльномъ союзѣ съ вѣрой и на почвѣ національно-нравственнаго самоопредѣленія, книжное ученіе упрочивало за собою высокое значеніе въ жизни русскаго общества и становилось потребностью русскаго быта Первая попытка водворить ученіе книжное, сдѣланная у насъ въ концѣ X столѣтія, одновременно съ введеніемъ христіанства, и встрѣченная со слезами людьми стараго поколѣнія, въ поколѣніи новомъ уже нашла себѣ живое и дѣятельное сочувствіе [1]). Лица, стоявшія на верху общества, должны были только содѣйствовать этому „поученью вѣрныхъ людей“,—и въ исторіи древнѣйшаго періода нашего быта выступаетъ предъ нами цѣлый рядъ просвѣщенныхъ дѣятелей, которые стремились умножать средства русскаго образованія, заботились объ открытіи училищъ при церквахъ и монастыряхъ, покупали книги, снабжали ими церкви, составляли библіотеки, нанимали писцовъ для распространенія списковъ съ прежнихъ переводовъ, собирали ученыхъ людей—грековъ и латинистовъ—для новыхъ переводовъ [2]). Любовь къ книгамъ вскорѣ охватила собою

---

[1]) „Въ этомъ удостовѣряетъ насъ свидѣтельство русскаго писателя XI вѣка, митрополита Иларіона, воспитанника, по всей вѣроятности, того училища, которое открыто въ Кіевѣ при св. Владимірѣ. Въ высшей степени замѣчательно слѣдующее обращеніе Иларіона къ своимъ слушателямъ или читателямъ: „излагать въ семъ писаніи проповѣдь пророковъ о Христѣ и ученіе апостоловъ о будущемъ вѣкѣ было бы излишие и клонилось-бы къ тщеславію. Ибо *что писано въ другихъ книгахъ и вамъ уже извѣстно*, о томъ предлагать здѣсь было-бы признакомъ дерзости и славолюбія. *Мы пишемъ не для не знающихъ, а для насытившихся съ избыткомъ книжною сладостью.* Если уже въ XI в. были между русскими люди до того начитанные, что для бесѣды съ ними требовался строгій выборъ предметовъ, которые могли-бы дѣйствовать на нихъ и новостью и убѣдительностію, то еще большихъ успѣховъ можно было ожидать отъ вѣковъ послѣдующихъ, когда ученіе книжное входило все болѣе и болѣе въ потребность народнаго быта. *Сухомлиновъ*, О языкознаніи въ древней Россіи. Уч. Зап. 2 отд. И. Ак. наукъ, кн. 1, стр. 240—241.

[2]) Сводъ и разборъ относящихся сюда историческихъ свидѣтельствъ см. въ соч. *Лавровскаго* „О древне-русскихъ училищахъ“, глава 1; у *Соловьева*, въ „Исторіи Россіи“, т. III, въ главѣ о внутреннемъ состояніи русскаго общества отъ смерти Ярослава I до смерти Мстислава Торопецкаго (по изд. 1870 г. стр. 84 и слѣд.).

всѣ слои древне-русскаго общества и вызвала на трудъ переписыванія всю грамотную часть русскаго люда. „Князья, знатныя лица мірскаго круга, монахи, посадскіе люди, дьяки и лица другихъ профессій соединились во-едино на этомъ поприщѣ. Путешественники по Афону, русскіе иноки въ студійскомъ монастырѣ, образованные греки въ Россіи дополняютъ картину оживленной работы переписчиковъ, трудившихся въ Россіи. Для насъ, живущихъ въ такое время, когда печатный станокъ въ огромномъ числѣ экземпляровъ выпускаетъ каждый день произведенія общественной мысли, трудъ переписыванія сдѣлался совершенно излишнимъ. Но что если-бы насъ перенести въ ту пору, когда объ услугахъ печатнаго станка еще не знали и единственнымъ средствомъ распространенія произведеній пера оставалось переписываніе: тогда мы могли-бы понять и оцѣнить заслугу тѣхъ скромныхъ тружениковъ просвѣщенія, которые день и ночь просиживали надъ этимъ утомительнымъ занятіемъ и цѣною упорнаго, хлопотливаго труда выпускали на свѣтъ Божій одну рукопись за другою [1]).

Обширные размѣры древне-русской переводной литературы говорятъ намъ о сильномъ запросѣ на книжное чтеніе въ образованной части тогдашняго русскаго общества, а обращавшіеся въ этой литературѣ переводы такихъ твореній, какъ слова Григорія Богослова, поученія Кирилла іерусалимскаго, и др., свидѣтельствуютъ о значительномъ богословскомъ развитіи образованныхъ людей того времени. Но, усвоивая плоды чужаго образованія, русская мысль успѣла заявить себя и самостоятельными произведеніями. Здѣсь будетъ довольно указать одно изъ нихъ, которое даже на взглядъ иностранныхъ ученыхъ служитъ несомнѣннымъ выраженіемъ силы и самобытности, сказывавшейся въ умственномъ подъемѣ русскаго общества въ тотъ періодъ его исторіи. Разумѣемъ нашу на-

---

[1]) *Макаветовъ*, Очерки изъ исторіи дух. литературы и просвѣщенія въ древней Руси. Прав. Обозр. 1876, сент.

чальную лѣтопись,—«это произведеніе образованности, воспитанной отчасти на эпическихъ идеяхъ домашняго преданія и больше всего на образцахъ церковно-книжнаго слова, на образцахъ библейскаго разсказа и евангельскаго ученія»,—произведеніе, явившееся «по разуму, по идеямъ и въ отвѣтъ на потребности всего древне-русскаго грамотнаго общества“ и пользовавшееся византійцами очень самостоятельно, только какъ подходящимъ матеріаломъ [1]).

## II.

Погромъ татарскій разорилъ начатки школьнаго образованія, успѣвшіе явиться на Руси, нарушилъ и разстроилъ этотъ широкій подъемъ русскаго просвѣщенія, задержалъ его ходъ. Пораженная лютою бѣдой земля русская, поэтически олицетворенная въ одной лѣтописи подъ образомъ вдовы, горько оплакивала свое „вдовство—опустѣніе градовъ, и честныхъ монастырей, и св. церквей, лишеніе чадъ—учителей и священникъ и властителей и прочаго народа“ [2]). Подъ гнетомъ и потрясеніями монгольщины, она раздробилась затѣмъ на двѣ половины, которымъ долго потомъ отдѣльными путями и въ различныхъ условіяхъ пришлось совершать свое историческое движеніе. Югозападная Русь, послѣ неудачныхъ попытокъ устроить независимое существованіе, примкнулась къ Литвѣ, потомъ подпала подъ владычество Польши, что породило великія бѣды для западно-русской православной цѣлости, и только часть ея могла въ XVII столѣтіи соединиться съ сѣверо-восточною половиной. Судьба послѣдней была иная. Послѣ татарской грозы она стала складывать отдѣльныя свои

---

[1]) *Забѣлинъ*, Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ, I, стр. 486—504.

[2]) Русскій Временникъ, Москва. 1790, стр. 123—124.

княженія въ единое государство, которое свергло унизительное и бѣдственное азіатское иго, уберегло самобытность Россіи отъ такого же ига европейскихъ сосѣдей и высоко подняло знамя всей православной Русской земли.

Въ Русь сѣверо-восточную, средоточіемъ которой стала Москва, перенеслась главная сцена дѣйствія русскаго православнаго міра. Заботы политическія,—„стражба“ родной земли отъ татаръ и другихъ иноземцевъ, усвоеніе земель, государственное объединеніе Руси, созданіе обще-русскаго центра жизни,—должны были надолго сосредоточить на себѣ первыя и наибольшія усилія московскихъ дѣятелей. Это неизбѣжно затруднило возобновленіе нормальнаго роста русской школы и она представляла тогда слабое, неустроенное учрежденіе [1]). Но тѣмъ не менѣе русское образованіе непрерывно сохранило свои прежнія черты и направленіе; училища не сходили съ почвенной своей основы; они были и считались свободнымъ дѣломъ общества; въ книжномъ просвѣщеніи Россія признавала и хотѣла видѣть свою нравственно-образующую силу [2]). Съ дру-

---

[1]) Припомнимъ извѣстныя свидѣтельства новгородскаго архіепископа Геннадія (Акты Историч., I, № 104, стр. 147) и стоглаваго собора (Стоглавъ. Казань, 1862, стр. 53, 120—121) о положеніи учебнаго дѣла.

[2]) Сохранившіяся извѣстія о школахъ того періода (см. объ этихъ извѣстіяхъ у преосвящ. *Макарія*, Исторія русской церкви, т. V, стр. 126—127, изд. 1866 г.; *Лавровскаго*, О древне-русскихъ училищахъ, стр. 52—56) сообщаютъ намъ, какъ семьи добровольно отдавали своихъ дѣтей на ученіе божественнымъ книгамъ. Стоглавый соборъ, затрогивая вопросъ о „книжныхъ училищахъ“, рѣшалъ его въ народномъ направленіи и признавалъ за духовенствомъ и земствомъ право и обязанность широкаго участія въ установленіи училищъ въ городахъ и посадахъ, по волостямъ и погостамъ. Земству и духовенству предоставлялось выбирать, по благословенію своего святителя, добрыхъ и благочестивыхъ учителей, „чтобы священницы и діакони и всѣ православные хрестьяне предавали имъ своихъ дѣтей на ученіе, .. и тѣ бы избранные по училищамъ учили своихъ учениковъ страху Божію, и грамотѣ, и писать и пѣти и чести, со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, наипаче же учениковъ бы своихъ брегли и хранили во всякой чистотѣ и блюли ихъ отъ всякаго растлѣнія“; „да учениковъ бы своихъ въ святыхъ церквахъ Божіихъ наказывали и поучали страху Божію и всякому благочинію, псаломопѣнію и чтенію и пѣтію и конорханію по церковному чину,

гой стороны то же самое укрѣпленіе государственной самостоятельности Россіи служило и дѣлу русскаго образованія, являясь необходимымъ внѣшнимъ обезпеченіемъ независимости и свободы его развитія. Вглядѣвшись же глубже въ дѣло, можно замѣтить, что были сдѣланы для него въ то время русскимъ сознаніемъ и важныя внутреннія пріобрѣтенія. Въ указанный періодъ стала болѣе ощутительной и крѣпкой та почва, на которой пустило свои первые ростки наше просвѣщеніе и на которой слѣдовало ему возрастать и развиваться; русское общество ближе всмотрѣлось въ силы и потребности русскаго духа, въ особенности историческаго положенія русскаго народа, и предъ сознаніемъ его яснѣе выступила обусловленная ими своеземная задача школы и просвѣщенія на Руси.

Обстоятельства времени содѣйствовали этому. Татарщина сама по себѣ способствовала укрѣпленію въ русскомъ сознаніи понятія о своей народности, въ противоположности ея неправославному, чужеземному. Затѣмъ послѣ флорентійской уніи, пошатнувшей довѣріе русскихъ людей къ православію византійцевъ и въ ясномъ свѣтѣ обнаружившей замыслы Рима и латинства, и послѣ паденія Византіи, когда Московская Русь осталась единственнымъ въ мірѣ самостоятельнымъ православнымъ царствомъ и вступила въ самостоятельное церковное положеніе, сознаніе необходимости русскаго православнаго самоопредѣленія должно было получить особенное значеніе и силу и произвести то движеніе, которое замѣчается въ исторіи умственныхъ успѣховъ русскаго народа тѣхъ вѣковъ. Стѣсненная въ первую пору татарскаго владычества, русская книжность вновь потомъ расширяется, когда иго нѣсколько облегчилось; умножающіеся въ это время на Руси монастыри являются центрами

---

а учили бы грамотѣ довольно, и силу бы имъ въ писаніи сказывали, чтобы ученицы всѣ книги учили, которые соборная святая церковь пріемлетъ, чтобъ потомъ и впредь могли не токмо себе, но и прочихъ пользовати и учить страху Божію о всѣхъ полезныхъ". (Стоглавъ, стр. 121—123. Бѣляевъ, Наказные списки соборнаго уложенія 1551 г. или стоглава. М. 1863, стр. 8. 23—24).

и разсадниками образованія и неутомимо ведутъ трудъ книжнаго собиранія, которое съ конца XV вѣка принимаетъ особенно усиленные размѣры, выразившіеся потомъ въ извѣстномъ предпріятіи митрополита Макарія „собрать всѣ книги въ русской землѣ чтомыя“. Распространеніе письменности, появленіе полныхъ списковъ Библіи, размноженіе сборниковъ и списковъ съ святоотеческихъ и другихъ книгъ, новые переводные труды и оригинальныя сочиненія, множество посланій, попытки систематизаціи русской исторіи,—все это—наглядныя свидѣтельства объ усиленной работѣ русскаго духа надъ усвоеніемъ православной истины, надъ самопознаніемъ, надъ развитіемъ просвѣщенія на Руси. Это движеніе самоопредѣлявшейся русской жизни сопровождается заблужденіями,—неизбѣжнымъ спутникомъ развивающагося сознанія,—но мы видимъ также, что оно же выдвигаетъ лучшихъ представителей русскаго сознанія, которые выступаютъ предъ своимъ, „навыкавшимъ писанію“, обществомъ съ необыкновенными для той эпохи богословскими знаніями, распространяютъ свѣтъ православія въ русскомъ образованіи и обнаруживаютъ ту силу самобытнаго, независимаго отъ возрѣній византійцевъ и западно-европейцевъ, пониманія дѣла, которая давала русскимъ людямъ полное право говорить: греки для насъ не евангеліе; мы вѣримъ Христу, а не грекамъ [1]). Въ дѣяніяхъ знаменитаго стоглаваго собора выпукло отразилась эта предоставленная себѣ самой, собиравшаяся съ силами самоопредѣлявшаяся Русь, повѣрявшая себя началомъ православія, которое коренилось въ основѣ ея духа, проникавшаяся задачей—хранить и развивать это начало русскаго духа, залогъ его силы и самостоятельной жизни, беречь русское самоопредѣленіе отъ порабощенія чужеземной мысли, гибельнаго для народной самобытности. «Въ коейждо странѣ законы и отчиная не приходятъ другъ ко другу, но своего обычая кій-

[1]) Слова, сказанныя Грознымъ папскому нунцію Поссевину, который примѣромъ грековъ соблазнялъ царя принять положеніе флорентійскаго собора. Supplementum ad historica Russiae monumenta. Petropoli. 1848. P. 102.

ждо законъ держитъ: мы же православніи, законъ истинный отъ Бога пріемше, разныхъ странъ беззаконіи осквернихомся; тѣмже отъ тѣхъ странъ томимы есмя» [1]).

Весьма понятно, что возбуждаемый такими православно-національными требованіями русскій умъ, въ лицѣ лучшихъ и цѣльныхъ представителей его, долженъ былъ относиться къ вопросу о русскомъ школьномъ образованіи серьезно и осмысленно. И дѣйствительно, наша исторія того времени представляетъ такіе, близко относившіеся къ дѣлу русской школы факты, гдѣ сказывался этотъ русскій смыслъ и возвышенность и правота его стремленій.

Въ то время, какъ Русь, уединясь отъ волненій западно-европейскаго умственнаго движенія, собиралась съ силами для духовнаго саморазвитія, политическихъ дѣятелей западной Европы чрезвычайно соблазнала возможность втянуть молодое русское государство въ круговоротъ европейскаго просвѣщенія. Отъ западныхъ правительствъ не одинъ разъ шли въ Москву настойчивыя заявленія о готовности ихъ подѣлиться съ нею успѣхами европейской науки и устроить дѣло русскаго образованія. При царѣ Грозномъ нунціемъ папы іезуитомъ Поссевинымъ, бывшимъ въ Россіи для политическихъ переговоровъ, составленъ былъ цѣлый планъ воспитанія русскихъ въ католическомъ духѣ. Поссевинъ предлагалъ папѣ устроить въ Римѣ семинарію для образованія русскихъ юношей, по примѣру бывшей тамъ греческой, при чемъ всѣ издержки на путешествіе русскихъ въ Римъ и обратно въ Россію и на воспитаніе ихъ принять на счетъ папскаго казнохранилища, что показало бы всему свѣту, и особенно русскимъ, отеческую заботу о нихъ его святѣйшества. Предназначались и другія мѣста для образованія русскихъ—ближайшія къ нимъ іезуитскія училища въ Вильнѣ и Полоцкѣ; но такъ какъ московскій царь, по политической непріязни къ Литвѣ и Польшѣ, могъ не дозволить московскимъ людямъ ѣздить въ эти города, то Пос-

[1]) Стоглавъ. Казань, 1862, стр. 160.

севинъ предполагалъ „пріѣзжающихъ изъ московскаго государства посылать въ Ольмюцъ или Прагу, въ папскія семинаріи, гдѣ, при сходствѣ богемскаго языка съ русскимъ, скорѣе и удобнѣе можно напитать ихъ латинствомъ“. Имѣя въ мысли такой проектъ, Поссевинъ уже просилъ Грознаго прислать въ Римъ для изученія римскаго языка и богословскаго образованія нѣсколько людей «хотя изъ молодыхъ, которые бы умѣли читать и писать по русски, а папа паки ихъ возвратитъ; а тамъ ихъ самъ обѣщаетъ вѣрно въ вѣрѣ греческой у старыхъ отцовъ, съ иными, которые съ востока присланы, учить» [1]). При Годуновѣ польскій корольСигизмундъ III, руководимый іезуитами, просилъ у него позволенія завести въ Москвѣ, Псковѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ и другихъ главнѣйшихъ мѣстахъ Россіи костелы для поляковъ, а при костелахъ училища для русскихъ, которымъ сверхъ того просилъ дозволенія обучаться въ польско-литовскихъ школахъ [2]). Чужеземные просвѣтители представлялись совсѣмъ безкорыстными, но враждебныя заднія цѣли, политическія и религіозныя, съ которыми навязывали они свои услуги московскому государству, были слишкомъ замѣтны, чтобы послѣднее могло согласиться на ихъ предложенія. Но если дѣятели московской политики не рѣшались отдаться прямо въ руки западной Европы, то нѣкоторыя собственныя попытки ихъ въ школьномъ дѣлѣ, предпринятыя въ то время, показывали, что рѣшеніе вопроса о русскомъ образованіи они видѣли однако въ простомъ перенесеніи на Русь европейскаго просвѣщенія. Іоаннъ Грозный въ 1560 году учредилъ было въ Москвѣ „училище латинскаго языка“ [3]); Борисъ Годуновъ

---

[1]) Supplem. ad. hist. Rus. mon., p. 36. Starczewski, Historiae Ruthenicae scriptores extevi saec. XVI, vol, 2. XIX, p. 285. *Древняя* Рос. Вивліоѳ., VI, стр. 97, 101 (изд. 2).

[2]) Сборникъ кн. Оболенскаго. Москва. 1838. № 8, стр. 9. Наказъ Сигизмунда посламъ, отправленнымъ къ царю Борису Ѳедоровичу для поздравленія съ восшествіемъ на престолъ, 1600.

[3]) *Коллинсъ*, Нынѣшнее состояніе Россіи, глава I, стр. 1. Чтенія въ Общ. исторіи и др. Рос. при моск. ун., годъ 1, № 1 (1846).

задумывалъ вызвать въ Москву просвѣщенныхъ людей съ Запада, завести школы для изученія разныхъ языковъ и основать университеты [1]). Но эти попытки водворенія иноземной науки въ Москвѣ были встрѣчены отпоромъ со стороны общества—и правительство уступило силѣ народнаго смысла. Латинское училище, устроенное Грознымъ, было вскорѣ уничтожено духовенствомъ. Годуновъ также увидѣлъ противодѣйствіе своему намѣренію со стороны духовенства, которое представило царю, что въ Россіи, не взирая на обширное пространство ея, „доселѣ господствовало единовѣріе, единонравіе если-же настанетъ разноязычіе,—поселится раздоръ и прежнее согласіе исчезнетъ".

Въ этомъ взглядѣ русскихъ людей на заимствованныя школы, въ этомъ отчужденіи ихъ отъ западной учености выражался, конечно, не азіятскій сонный застой мысли, не свѣтобоязнь и желаніе коснѣть въ невѣжествѣ. О тупомъ отвращеніи Россіи отъ Запада не можетъ быть рѣчи, когда извѣстно, что въ другихъ случаяхъ она сама обращалась къ помощи Европы за разными техническими усовершенствованіями и вводила въ своемъ внѣшнемъ обиходѣ пригодныя для него изобрѣтенія и удобства иноземнаго прогресса,—и если западно-европейцы не допускались до школьнаго русскаго дѣла, то значитъ были для этого свои резонныя основанія. Представители русскаго сознанія не обольщались школой и просвѣщеніемъ западной Европы и не хотѣли отдаться ей въ руководство по той причинѣ, что требованія національно-православнаго самоопредѣленія руководили ихъ духомъ. Стоя въ сторонѣ отъ движенія, происходившаго въ умственномъ мірѣ Европы, они могли однако имѣть очень опредѣленное представленіе о характерѣ и существѣ этого движенія. Среди нихъ жилъ и дѣйствовалъ тогда знаменитый Максимъ-грекъ, который раньше былъ въ

---

[1]) Сказанія современниковъ о Димитріѣ самозванцѣ, ч. I, стр. 12—13, и примѣч. 15 на стр. 225.—*Карамзинъ*, Исторія государства Рос., т. XI, стр. 52—53, и примѣчаніе къ нему 125, стр. 29 (изд. Эйнерлинга).

самомъ центрѣ умственнаго движенія Запада, и который отлично подмѣтилъ разсудочный характеръ и діалектически сухое направленіе европейскаго просвѣщенія, съ такою силой проявившіеся въ эпоху возрожденія, когда западная мысль, отвыкнувъ въ схоластикѣ отъ живыхъ интересовъ христіанства, бросилась на классиковъ, и вмѣсто св. Писанія и св. отцевъ высшимъ авторитетомъ для себя поставила языческихъ философовъ. Поселившись въ Москвѣ, Максимъ объяснялъ тамошнему обществу, какъ въ западныхъ училищахъ Аристотель и Платонъ, и иже окрестъ ихъ, «по подобію потоковъ текущихъ» потопляютъ «латинскихъ сыновъ». „И никая въ нихъ догма крѣпка непщуется, ни человѣческая, ни божественная, аще не аристотельскія силлогизмы тѣмъ утвердятъ сію догму"; и если она не согласуется съ ними, или „сопротивна" имъ, то отвергается, какъ худшая, или измѣняется «ко угоженію аристотельскаго художества» и заступаетъ мѣсто прежняго догмата, какъ истиннѣйшая» [1]). Не подумайте, прибавлялъ Максимъ, будто я укоряю внѣшнее ученіе, «полезно сущее и мало не всѣми свидѣтельствуемо, возсіявшими во благочестіи, не тако азъ неблагодаренъ ученикъ его»,—но я осуждаю только чрезмѣрное испытаніе разума [2]). Христіанское просвѣщеніе, по убѣжденію Максима, не могло видѣть свою послѣднюю цѣль и высшую истину въ выводахъ человѣческаго разсудка, а должно было приводить ихъ въ послушаніе Евангелію. Такой взглядъ не былъ новостью для русскихъ людей, которые воспитывались на ученіи отцевъ вселенской церкви и у которыхъ православіе было живой основой всего быта. Но разсужденія Максима-грека укрѣпляли въ русскомъ сознаніи это воззрѣніе и уясняли ему отношенія его къ иноземной школѣ. Руси не нужно было такой науки, которая „отлучаетъ вѣрныхъ отъ Бога"; она желала своей

---

[1]) Сочиненія преп. Максима-грека. Казань. 1859. Ч. I, стр. 247.

[2]) «Чрезъ лѣпаго (чрезъ мѣру) износимому многоиспытному разуму взыскающихъ е (внѣшнее наказаніе) зазираю. Тамъ же, 462.

національной школы, которая служила бы православнымъ интересамъ русскаго самоопредѣленія. Такою школой не могла быть школа заимствованная, особенно европейская,—и вотъ почему вышеупомянутыя предложенія западныхъ просвѣтителей оставались безъ послѣдствій, а недовольно обдуманныя попытки правительства устроить училища на европейскій ладъ встрѣчаемы были отпоромъ со стороны представителей общества. Послѣдніе совершенно вѣрно указывали на то, что враждебная духу христіанства западная мысль будетъ проводникомъ иновѣрныхъ воззрѣній, внесетъ рознь и разъединеніе въ русскую православную жизнь. Юной Россіи необходимо было остерегаться чужого развитія, потому что пока русскій духъ не могъ противопоставить организованной системѣ Запада живой силы самобытно выросшаго просвѣщенія, до тѣхъ поръ онъ не могъ справляться съ результатами чужой мысли; до тѣхъ поръ послѣдняя грозила передѣлать по своему русскій тонъ жизни, грозила величайшимъ зломъ русскому, еще только формировавшемуся, православію, русскому языку и народности,—всему русскому самоопредѣленію.

Итакъ, задача самобытнаго распространенія образованія предносилась предъ сознаніемъ велико-русскаго міра, когда въ XVII в., съ окончательнымъ утвержденіемъ единодержавія, Москва могла приступить къ болѣе сравнительно спокойной работѣ надъ своимъ внутреннимъ развитіемъ и выдвинула на видъ заботы объ организаціи школьнаго дѣла въ духѣ русской жизни. И такъ какъ при этомъ далъ Москвѣ нѣкоторые уроки училищный опытъ западной Россіи, близко соприкоснувшейся съ нею въ ту эпоху, то мы теперь присмотримся къ западнорусскимъ школамъ.

## III.

Западная Русь, литовско-польская, была повлечена свой исторіей въ порабощеніе европейской цивилизаціи. На первыхъ

порахъ совокупной жизни съ Литвою она стала подчинять литовскіе элементы своимъ началамъ, но союзъ съ латинской Польшею, вскорѣ устроенный литовскимъ княжествомъ, прекратилъ свободное движеніе западно-русской исторіи въ этомъ направленіи, а въ Литвѣ водворилась и получила права господствующей римская церковь. Вытѣсняя православно-русскія начала изъ Литвы, полонизація съ латинствомъ стали просачиваться и въ русскія области литовскаго княжества. Верхніе люди тамошняго общества, въ постоянныхъ соприкосновеніяхъ съ Польшею, начали свыкаться съ польскими порядками жизни и понятіями, и, отчуждаясь отъ православнаго русскаго народа и его интересовъ, все болѣе глядѣли въ сторону Польши, сближеніе съ которою доставило имъ привиллегіи свободы и независимости и обширныя права надъ всѣмъ остальнымъ населеніемъ нешляхетскаго происхожденія. Обезсиливаемый деморализаціей высшаго слоя, поставленный подъ власть иноземнаго католическаго правительства, отдѣленный потомъ и въ іерархическомъ отношеніи отъ московской митрополіи, имѣя подлѣ себя сильную и враждебную римскую церковь, тревожимый ея попытками влечь его къ латинству,— западно-русскій православный міръ былъ, очевидно, въ неблагопріятнѣйшихъ для него условіяхъ существованія. Давленіе латинизма смѣнилось потомъ вліяніемъ протестантства, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ просвѣщаемый Европою шляхетскій классъ польско-литовскаго государства увлекся движеніемъ реформаціи. И когда послѣ того Польша, угрожаемая протестанствомъ, призвала на помощь своему духовенству іезуитскій орденъ и на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года окончательно слила съ собою Литву, наступили „рыдательныя времена“ для западной Россіи. Польскій строй общественности и западное католическое просвѣщеніе стали теперь непосредственно разрушать и передѣлывать складъ жизни и ума западно-русскаго общества. Дѣйствіе разлагающихъ началъ, уже имѣвшее для себя вѣковые задатки, могло пойти тѣмъ успѣшнѣе, что орудіями католичества явились іезуиты, завладѣвшіе довѣріемъ польскаго прави-

тельства и пустившіе въ ходъ всю свою ловкость и средства, чтобы подчинить своему вліянію властную западно-русскую шляхту. Воспитаніе юношества было однимъ изъ удобнѣйшихъ въ этомъ случаѣ способовъ, которымъ и поспѣшили воспользоваться іезуиты. Захвативъ въ свои руки образованіе въ католической Польшѣ, они безъ препятствія основали свои училища и среди западно-русскаго дворянства, стремившагося подражать польскимъ панамъ и заводить у себя все, признанное моднымъ въ Польшѣ.

Такимъ образомъ взяла западную Русь въ свою зависимость чужая и неправославная школа. Главнымъ орудіемъ западно-русскаго просвѣщенія стала та самая латинская схоластика, которая, имѣя краеугольнымъ своимъ камнемъ логическія сочиненія Аристотеля и погрузившись въ логико-грамматическія тонкости, сдѣлала христіанскую науку механической игрой въ умозаключенія и обратила живую и цѣльную истину христіанства въ бездушную отвлеченную формальность, въ массу произвольныхъ и односторонніхъ силлогистическихъ комбинацій, удобно служившихъ для видимой доказательности доктринъ католичества. Задаваясь умноженіемъ слѣпыхъ приверженцевъ римской церкви, іезуитскій орденъ сохранилъ въ своихъ школахъ эту старую схоластику,—которая если и была поколеблена такъ называемымъ возрожденіемъ наукъ, за то обладала важнымъ для цѣлей ордена свойствомъ заглушать и запутывать сознательную и самодѣятельную мысль,—и такія же школы завелъ и въ польско-литовскомъ государствѣ, поддѣлавъ ихъ подъ вкусы тамошней шляхты. Латинскій языкъ, знаніе котораго считалось главнымъ признакомъ европейски-образованнаго человѣка, составилъ центръ обученія, причемъ весь интересъ послѣдняго привлекла исключительно внѣшняя сторона дѣла: заучиваніе огромнѣйшей латинской грамматики іезуита Альвара,—преподававшейся въ трехъ классахъ, по невозможности усвоить ее въ болѣе короткій срокъ,—затверживаніе піитическихъ и риторическихъ правилъ, сочиненіе панегириковъ всьможнымъ особамъ и схоластическія словопренія о предме-

тахъ вѣры. Единственной задачей обученія было поставлено „образованіе стиля“, которому и служили піитика съ риторикой, и развитіе изворотливости въ диспутированіи о богословскихъ истинахъ, чему способствовала философія, состоявшая въ логикѣ и діалектикѣ. Положительное знаніе вѣры, истолковательная и историческая сторона богословія были оставлены въ пренебреженіи. Не нужно прибавлять, что Альваръ, Аристотель и—лучшій выразитель схоластическаго богословія—Аквинатъ преподавались такъ, что согласно внушали истинность и превосходство латинства. То же порабощеніе личности въ интересахъ папизма стала преслѣдовать и воспитательная сторона литовскихъ іезуитскихъ школъ, основанная на пріученіи воспитанниковъ къ формамъ католической обрядности, подъ видомъ усердія къ вѣрѣ, и на отчужденіи ихъ отъ всего близкаго и роднаго для нихъ, чтобы потомъ можно было противопоставить ихъ православному обществу и народу, какъ чему-то внѣшнему и чужому. Эффектно-благочестивая наружность школъ, частые праздники, торжественные диспуты, пышныя церемоніи, сценическія представленія,—въ которыхъ непремѣнными участниками выступали ученики,—хвалебныя рѣчи панамъ, которыя сочинялись въ школахъ,—все это пришлось по наклонностямъ шляхетскаго общества, располагало и дѣтей и родителей въ пользу іезуитскаго образованія. А послѣднее совершало между тѣмъ свое дѣло, пропитывая западно-русскихъ шляхтичей любовью къ блестящему католичеству, пріучая ихъ на униженное православіе смотрѣть какъ на хлопскую, недостойную дворянина вѣру, и въ томъ, что составляло существенныя черты народной жизни, видѣть противоположность просвѣщенію, вывѣску невѣжества и грубости. Усилія враговъ русскаго православія увѣнчались введеніемъ церковной уніи и быстрымъ окатоличеніемъ дворянства западной Россіи. Въ послѣдней осталась „заѣдва тѣнь лѣпоты и величества широковладного рода россійскаго и благочестія его“ [1]). Въ добавокъ ко всему злу при-

[1]) Акты Зап. Россіи, IV, № 217, стр. 506.

соединился вредъ, происходившій отъ сближенія нѣкоторыхъ, еще стѣснявшихся кидать православную вѣру, магнатовъ съ литовскими протестантами, для совмѣстной обороны отъ католичества [1]).

Въ эту-то бѣдственную пору поднялись на борьбу за вѣру и народность церковныя братства западной Россіи. Устройство собственныхъ школъ, въ противовѣсъ іезуитскимъ училищамъ, естественно стало главнымъ стремленіемъ братскихъ дѣятелей. Людямъ, сохранявшимъ въ себѣ корни русскаго духа, претила «римская мудрость», распространявшаяся въ западной Россіи,— созданіе латинскаго духа, потерявшаго свое равновѣсіе послѣ уклоненія отъ общаго сознанія православной вселенской церкви. И братства, принимаясь за учебное дѣло, высказывали рѣшимость «всею душею во смиренномудріи на св. отцовъ восточныхъ догматахъ и письмахъ полегати, а не вѣшатися на латинскихъ силлогизмахъ и переверненныхъ письмахъ» этой мудрости, въ которой «философія поганская, аристотелева наука, слово Божіе выворочаетъ и инако вѣрити кажетъ» [2]). Въ руководители и устроители новой западно-русской школы были призваны ученые греческой церкви, современная исторія которой представляла аналогическіе проблески оживленія православнаго греческаго народа, выражавшіеся въ дѣятельности греческихъ церковныхъ братствъ и въ стремленіи лучшихъ представителей византійскаго образованія поставить послѣднее внѣ зависимости отъ латинскаго запада [3]). Преобладаніе греческаго элемента впрочемъ не исключило и собственной тенденціи за-

---

[1]) Подробности о польско-литовскихъ іезуитскихъ школахъ можно найти въ статьяхъ: *Костомарова*, Южная Русь въ концѣ XVI вѣка (Историческія монографіи, т. III); *Пекарскаго*, Представители кіевской учености (Отеч. Зап. 1862, I); *Демьяновича*, Іезуиты въ Западной Россіи (Ж. мин. нар. пр., 1871, сент); *Ястребова*, Іезуиты и ихъ педагогическая дѣятельность въ Польшѣ и Литвѣ (Труды кіевской дух. академіи. 1869, февраль).

[2]) Памятники, изд. кіевскою врем. коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, т. I, стр. 248—249. Акты З. Р., т. IV, № 149, стр. 235.

[3]) Подробности объ этомъ можно читать въ сочиненіи *Малышевскаго* „Патріархъ александрійскій Мелетій Пигасъ». Кіевъ. 1872.

падно-русскихъ братствъ. О присутствіи ея заявляло и желаніе ихъ имѣть учителей «своего рода и благочестія», и то значеніе, какое братства придали изученію роднаго языка, какъ великому средству для возвышенія національнаго сознанія, и стремленіе ихъ къ литературно-ученой его обработкѣ. Какъ необходимое условіе высшаго образованія, изучались и классическіе языки,—при чемъ греческій, какъ языкъ православно-богословской учености, занялъ первенствующее мѣсто,—но поставлено было правиломъ преподавать науки на родномъ языкѣ. На учителей возлагалась обязанность составлять свои записки „отъ св. Евангелія, отъ книгъ апостольскихъ, отъ пророковъ всѣхъ, отъ отецъ святыхъ ученія, отъ философовъ, отъ поэтовъ, отъ историковъ, и проч.“ [1]). При такой постановкѣ дѣла учитель и за букваремъ могъ передать больше дѣльныхъ знаній, чѣмъ какой-нибудь докторъ схоластики [2]). Избѣгая іезуитскихъ учебныхъ руководствъ съ механическимъ затверживаніемъ и примѣненіемъ безчисленныхъ фигуръ и тонкостей схоластической діалектики, братскія школы сосредоточили главное вниманіе на умственномъ развитіи учениковъ, на обогащеніи ихъ положительными свѣдѣніями, хотѣли видѣть въ нихъ не столько искусныхъ стилистовъ и говоруновъ, сколько православно-просвѣщенныхъ людей, съ честнымъ направленіемъ, сознательными убѣжденіями, съ любовью къ истинѣ, къ народу, съ „трудолюбнымъ сыновнимъ, а не наемничьимъ о матери своей церкви Христовѣ попеченіемъ“ [3]). Не занимаясь Аквинатомъ, братскія школы обратились къ непосредственному изученію св. Писанія, твореній св. отцевъ и фактовъ церковной исторіи,—что и стало сказываться въ богословскихъ и историческихъ произведеніяхъ, которыя были написаны учеными дѣятелями школъ. Вмѣстѣ съ трудами ихъ по славянской филологіи эти сочиненія остаются свидѣтельствомъ о зародышахъ живаго направленія

---

[1]) Памятники кіевской ком., I, стр. 196.

[2]) *Коялович*, Литовская церковная унія, т. II, стр. 392.

[3]) А. Зап. Россіи, IV, № 217, стр. 506.

науки, возникавшей въ новыхъ школахъ. Противоположностію іезуитской была вся педагогическая ихъ программа, которая устанавливала тѣсную связь школы съ жизнію и обществомъ. Желая быть народнымъ учрежденіемъ, онѣ не отрывались отъ семейства и родной среды и хотѣли строить свои отношенія къ нимъ такимъ образомъ, чтобы всякій родитель „вѣдалъ, яковымъ способомъ будутъ сына его учити, и яко бы ему мѣлъ въ томъ порядку не перешкажати, але помагати всякимъ способомъ дѣткамъ къ науцѣ“ [1]).

Едва-ли однако нужно пояснять, въ какой разладъ попали эти благія усилія съ наличными условіями западно-русской жизни, сдвинутой съ родныхъ основаній и тянувшейся за Польшею. Понятно также, что въ этихъ условіяхъ братскія школы необходимо были обречены на безплодіе и не много могли сдѣлать для своей задачи. При томъ же онѣ только еще возникали, а кругомъ ихъ была организованная католическо-іезуитская школьная система, охватившая западную Русь своею сѣтью. Западно-русскій православный умъ еще только начиналъ развивать систематически свою самостоятельную мысль, а между тѣмъ защита православія неизбѣжно и немедленно вызывала его на ученую полемику съ латинскими теологами. Въ этомъ крайнемъ положеніи обращался онъ къ протестантскимъ опроверженіямъ латинства, что для его мысли, не успѣвшей еще окрѣпнуть, не могло проходить безслѣдно, отражаясь въ ея произведеніяхъ нѣкоторыми неточностями неправославнаго оттѣнка и взглядами протестантскаго направленія. Это, безъ сомнѣнія, не значило, что братская школа думала отдаваться въ руководство протестантамъ, но подобными промахами спѣшили пользоваться латино-уніаты, чтобы, смущая православныхъ, доказывать имъ, что ученые дѣятели братствъ не знаютъ христіанскаго ученія и только наполняютъ его заблужденіями протестантства, и что безъ латинской науки невозможно разогнать тьму русскаго невѣжества. Достоинства самобытности, скры-

[1]) Памятники кіев. врем. коммиссіи, I, стр. 68; ср. 105—106.

вавшіяся въ сущности братскихъ школъ, не могли быть понятны въ ополяченномъ обществѣ, но въ немъ полновѣсно принимались сужденія латинскихъ цивилизаторовъ, смѣявшихся надъ русскими стремленіями къ независимому образованію. „Еще не было на свѣтѣ,—говорилъ іезуитъ Скарга этому обществу,—и не будетъ ни одной академіи, гдѣ бы богословіе, философія, логика и другія свободныя науки преподавались по славянски. Съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ... На немъ нѣтъ ни грамматики, ни риторики, и быть не можетъ". И между тѣмъ какъ чужіе учители гордо похвалялись своимъ успѣхомъ, дѣятели братствъ должны были приходить къ сознанію исключительности своего положенія въ странѣ, не представлявшей цѣльныхъ и устойчивыхъ силъ, необходимыхъ для ихъ дѣла. „Не имамы къ кому прибѣгнути; царей и князей и боляръ благочестивыхъ не имамы; всѣ отступницы отъ благочестивыя вѣры пашей: едины ляхи; вторыи унеяты; третіи сынове еретичестіи;... и нигдѣ не имамы отъ нихъ упокою" [1]),— писали московскому государю народные представители возобновленной въ 1620 году православной западно-русской іерархіи, мечтая о возсоединеніи съ Москвой, какъ съ единственной нравственной силой и источникомъ помощи въ неравной борьбѣ западной Россіи съ внѣшними и внутренними врагами. Тоже выражали и современныя посланія церковныхъ братствъ, сообщавшихъ въ Москву о школьномъ дѣлѣ, надъ которымъ они хотѣли трудиться, не желая „пить отъ чужаго источника" и „чающе избавленія отъ сицевыя неволи" [2]).

Но было невозможно избѣжать того, къ чему неотразимо влекло теченіе западно-русской исторіи: выработалась искусственная сдѣлка западно-русскихъ силъ съ латино-польскими. Творцомъ этой сдѣлки былъ шляхтичъ Петръ Могила, явившійся въ 1628

---

[1]) *Кулишъ*, Матеріялы для исторіи возсоединенія Руси, I, стр. 124 и сл.

[2]) См. отрывокъ изъ посланія кіевскаго церковнаго братства къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, отъ 17 янв. 1626 года, у Кулиша, въ „Исторіи возсоединенія Руси, т. III, стр. 101.

году архимандритомъ въ кіево-печерскій монастырь, а вскорѣ потомъ митрополитомъ кіевскимъ, иностранецъ по происхожденію, человѣкъ латинскаго образованія, долго притомъ вращавшійся въ знатной польской средѣ. Подъ впечатлѣніемъ іезуитскихъ насмѣшекъ надъ бѣдностью русскаго просвѣщенія, сопоставленной съ внѣшнимъ блескомъ латино-польской школы, онъ рѣшилъ построить въ отпоръ ей по ея же учебно-воспитательной системѣ православную школу. Противодѣйствіе православныхъ кіевскихъ людей, естественно казавшееся Петру Могилѣ и его соработникамъ однимъ „легкомыслiемъ“ [1]), не могло, конечно, остановить дѣло созданія коллегіи, которая не имѣла по своему направленію никакой связи съ братскими началами образованія, но за то согласовалась съ тономъ панскаго общества и даже была нужна западной Россіи, для того, чтобы вѣдаться съ Польшей. Реформированное училище кіевскаго Богоявленскаго братства становилось слѣпкомъ съ католическо-іезуитскихъ коллегіумовъ, заимствуя оттуда программу наукъ, раздѣленіе на классы, административные, учебные и дисциплинарные порядки, воспитательные пріемы, торжественные диспуты, театральныя представленія,—весь школьный укладъ. Латынь была поставлена выше роднаго языка; національный и греческій элементъ, самодѣятельная мысль стали глохнуть въ новой школѣ. „Изучивъ науки Паллады въ католическихъ академіяхъ,—писалъ про свою корпорацію одинъ изъ новыхъ учителей кіевской коллегіи,—мы стали насаждать въ русскіе умы латинскій языкъ, лучше, нежели бывшіе до насъ наставники, чтобъ вышедшіе изъ среды преславнаго народа нашего успѣли распространить въ немъ свѣтъ Аполлона“ [2]). Обучаясь читать и писать по-латыни въ четырехъ низшихъ классахъ—фарѣ, инфимѣ, грамматикѣ и синтаксимѣ,—ученики подвергались потомъ схоластической дрессировкѣ въ классахъ латинской піитики, риторики и философіи. Выдвинутыя на господствующее мѣсто, эти науки

[1]) Exegesis. (См. недавнее изданіе его при кіевск. еп. вѣдом., за 1874 г.).
[2]) Exegesis.

замѣнили недостатокъ положительныхъ знаній навыкомъ механическаго сплетенія виршей, искусственнаго изобрѣтенія и расположенія мыслей и громаднымъ запасомъ разнообразныхъ формъ сужденій, находившихъ потомъ себѣ обширное примѣненіе въ богословіи. Изученіе послѣдняго, сообразно съ общимъ характеромъ школы, также обратилось къ формѣ, въ ущербъ содержанію, подъ руководствомъ системы Ѳомы Аквината, дававшаго такой просторъ „латинской силлогизмѣ“ въ вопросахъ вѣры. Школьная реформа Петра Могилы принесла тѣ плоды, какихъ ожидалъ ея виновникъ. Ученые кіево-могилянскаго коллегіума стали владѣть схоластическимъ оружіемъ съ умѣньемъ, не уступавшимъ искусству іезуитовъ. Но достигнутый успѣхъ не окупалъ тѣхъ непредусмотрѣнныхъ невыгодъ, какія явились неизбѣжными послѣдствіями той же реформы. По признанію извѣстнаго спеціалиста западно-русской исторіи, со времени Петра Могилы литература западной Россіи, „не смотря на множество сочиненій и ученыхъ людей, показываетъ въ историческомъ своемъ развитіи неоспоримое оскудѣніе содержанія и болѣе и болѣе возрастающее господство внѣшнихъ формъ, такъ что параллель этой литературы съ современною ей іезуитской литературою, литовско-польскою, поразительна [1])“. Это сближеніе кіевской науки съ іезуитскою шло и гораздо далѣе. „Латинская схоластика—скажемъ словами того-же ученаго—тѣсно связана была съ латинскимъ языкомъ, который въ кіевской академіи, какъ и въ школахъ іезуитскихъ, сталъ господствующимъ. Имъ говорили и часто писали школьники, наставники, ученые. Родной языкъ менѣе и менѣе имѣлъ доступа къ наукѣ. Образованные люди болѣе и болѣе выдѣлялись отъ массы народа, рвалась связь науки съ жизнію. Не то было въ прежнихъ школахъ западно-русскихъ. Тамъ обученіе шло главнымъ образомъ на русскомъ языкѣ. Ученики на немъ обучались, наставники на немъ учили, ученые на немъ писали“. Наука тамъ направлялась къ уясненію и развитію народной мысли,—чѣмъ

[1]) *Коялович*, Литовская церк. унія, т. II, стр. 188–190.

меньше всего могла похвалиться наука кіевская. Мало того,— латинская схоластика, которую она приняла, неразрывно соединялась съ латинской мыслью. „Изучая эту схоластику, необходимо было изучать многочисленныя схоластическія сочиненія въ латинскомъ духѣ, — и труднѣе всего было отдѣлить здѣсь форму отъ содержанія. Конечно люди передовые, даровитые преодолѣвали этотъ трудъ, благодаря въ особенности кипучей жизни, которая раньше всякой науки выработала различіе между православіемъ и неправославіемъ и развила въ народѣ тонкое чутье этаго различія. Но не всѣ образованные люди были даровитыми и не всегда жизнь была такою чудною руководительницею. Ученый слабый, лѣнивый или слишкомъ торопливый, наконецъ всякій ученый, занятый труднымъ вопросомъ, легко дѣлалъ промахъ, бралъ готовую латинскую мысль, не подозрѣвая ея латинскаго характера. Отсюда между западно-русскими учеными чаще и чаще стали появляться люди съ болѣе или менѣе значительными латинскими мнѣніями и вообще въ западно-русскую литературу стало проникать латинство".

Евгеній Прилежаевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

# ШКОЛЬНОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ

## до Петра Великаго и въ началѣ XVIII вѣка.

### IV.

На примѣрѣ западной Россіи Москва могла видѣть наглядное оправданіе совершенной разумности тѣхъ отношеній, въ какія сама она ставила себя къ европейскому просвѣщенію.

Смуты междуцарствія и самозванцевъ, постигшія сѣверо-восточную Русь въ началѣ XVII столѣтія, открыли-было и ее губительному напору иноземщины, поспѣшившей вторгнуться въ Россію, въ надеждѣ поживиться бѣдой ея. Польскія руки уже касались Москвы; у папы готовъ былъ планъ введенія уніи въ московскомъ государствѣ; для расширенія «правды католицкой» среди московскихъ схизматиковъ предполагалось немедленное учрежденіе у нихъ семинарій іезуитами [1]). Была пора страшныхъ испытаній для русскаго самоопредѣленія. Но «всѣ единомышленно всею землею» поднялись московскіе люди «противъ общихъ враговъ—польскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ людей, и русскихъ воровъ»,—и явили самобытную мощь духа, оживотворяющаго великое русское православное царство.

Борьба потребовала чрезвычайнаго напряженія силъ. Не поколебленная однако въ своихъ живыхъ основахъ, Москва оправилась отъ потрясеній злого лихолѣтья. И то поступательное движеніе, которое потомъ отмѣчаетъ исторія въ раз-

---

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, VIII, стр. 216—223 (изд. 1866).

ныхъ сторонахъ русской жизни въ продолженіе XVII столѣтія, не прервалось и въ области школы.

И во-первыхъ, печатные буквари, издававшіеся въ XVII вѣкѣ и заключавшіе въ себѣ, вмѣстѣ съ азбукой, начальный матеріалъ ученія, постепенно расширявшійся [1]), и уцѣлѣвшіе отъ того времени такъ называемые азбуковники великорусскіе, гдѣ излагались школьные порядки и обычаи, правила для учащихся и указанія для учителей [2]),—даютъ намъ неоспоримое свидѣтельство о томъ, что наши нисшія школы въ тотъ періодъ стали улучшаться и устроивали свою систему. При этомъ онѣ твердо держались прежнихъ нравственныхъ устоевъ русскаго ученія, были въ союзѣ съ церковью и приходскими людьми, составляли обще-народное достояніе, сливали съ обученіемъ дѣло воспитанія. Отмѣчая иногда къ слову, что «въ иностранныхъ мѣстахъ» приняты другіе школьные уставы, азбуковники при этомъ прибавляли: «у насъ въ Славенороссіи сіе зазорно мнится».

Въ то же время, осторожно и шагъ за шагомъ, не теряя родной путеводной нити, подвигались заботы и относительно высшей своенародной школы. Цѣльная и крѣпкая, Великая Россія могла мѣрно и безъ торопливости приближать эти заботы къ осуществленію, наблюдая за устойчивостью и вѣрностью дѣла, пристально всматриваясь въ привходящія силы и безпристрастно оцѣнивая ихъ со стороны жизненной ихъ значимости для русскаго просвѣщенія.

Дѣятели западно-русской православной школы,—тѣ именно, которымъ не хотѣлось довѣриться приходившей къ нимъ съ Запада наукѣ,—первые обнаружили желаніе примкнуться къ москвичамъ. Какъ видно изъ переписки ихъ съ Москвой, о которой уже было упомянуто, они чувствовали и несостоятельность западной Россіи, утратившей крѣпость быта и нравовъ, и неотъемлемыя права и преимущество московскихъ дѣятелей

---

[1]) *Извѣковъ*, Букварная система обученія. «Семья и Школа», 1872, № 4.

[2]) *Мордовцевъ*, О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка. «Чт. въ Общ. исторіи и древностей Рос. при Моск. ун.», 1861, кн. 4.

образованія. Братскіе ученые и сами лично пріѣзжали въ Москву: такъ, въ 1627 году былъ тамъ коретцкій протопопъ Лаврентій Зизаній,—«привезъ изъ Литвы книгу Оглашенія своего слогу и билъ челомъ государю святѣйшему патріарху, чтобъ ее исправити» [1]).

Иначе стали себя заявлять въ отношеніи къ московскому просвѣщенію новые представители православной кіевской митрополіи и школы,—люди шляхетскихъ склонностей и не русскаго воспитанія, ни мало не расположенные къ сближенію съ московскимъ государствомъ и оправдавшіе вполнѣ умный отвѣтъ, который дала Москва первому южно-русскому архіерею, возбудившему вопросъ о возсоединеніи Руси: «мысль эта въ васъ самихъ еще не утвержена и о томъ укрѣпленья межъ васъ ещо нѣтъ» [2]). Когда эти новые руководители кіевской школы обратились въ Москву по вопросу о просвѣщеніи, то въ ихъ обращеніи слышались уже особыя нотки, не тѣ, которыя звучали въ упомянутыхъ кіевскихъ посланіяхъ къ московскому царю. Такова была посланная въ 1640 году въ Москву Петромъ Могилой челобитная къ государю о томъ, чтобы онъ въ Москвѣ «благодатію и казною своею царскою монастырь соорудилъ, въ которомъ бы старцы и братія кіевскаго братскаго монастыря живучи, дѣтей боярскихъ и простаго чину грамотѣ греческой и славянской учили». Кіевскій митрополитъ приводилъ въ примѣръ московскому царю волошскаго воеводу, пригласившаго къ себѣ ученыхъ кіевскихъ иноковъ и убѣдившагося на опытѣ въ пользѣ «воздвиженія училищъ отъ благоговѣйныхъ и преславныхъ учителей», — и совѣтовалъ русскому государству послѣдовать этому примѣру, предлагая вскорѣ же прислать въ Москву «старцевъ со учительми» [3]). Сознаніе высокихъ преимуществъ могилянской школы и милостивое снисхожденіе къ невѣжественной

---

[1]) Лѣтописи русской литературы и древности, 1859, кн. 4-я, стр. 81.

[2]) Исторія возсоединенія Руси, т. III, стр. 225.

[3]) Акты южной и зап. Россіи, III, №№ 33 и 44.

Москвѣ, которую приходилось убѣждать въ пользѣ ученія, довольно ясно сквозили въ представленіи Могилы.

Съ рядомъ подобныхъ же напоминаній о заведеніи училищъ выступали также тогда въ Москвѣ и представители православнаго Востока. Утративъ іерархическую опеку надъ нею и являясь тамъ обыкновенно въ роли просителей милостыни, они пользовались этимъ удобнымъ поводомъ для заявленія своего авторитета и, соображая интересы востока, твердили свободной и богатой, только, по ихъ мнѣнію, не цѣнившей ученія, Москвѣ, о томъ, какъ безпрепятственно и скоро можно бы ей насадить у себя греческое просвѣщеніе и продолжать упавшее дѣло Византіи. Начатыя еще въ концѣ XVI вѣка [1]), эти представленія востока о заведеніи высшаго греческаго училища въ Москвѣ стали потомъ періодически повторяться, когда затихли пронесшіяся надъ Москвой грозы смутнаго времени. Такъ, въ 1645 г. Ѳеофаномъ, митрополитомъ патрасскимъ, пріѣхавшимъ въ Москву за милостыней съ грамотами константинопольскаго и александрійскаго патріарховъ, было предложено русскому правительству особое «писаніе о нѣкоторомъ дѣлѣ весьма нужномъ», содержавшее въ себѣ просьбу о поддержаніи греческаго просвѣщенія. Описавъ стѣсненное положеніе православія у грековъ, лишенныхъ возможности печатать у себя въ Царьградѣ книги богослужебныя и свято-отеческія, такъ что послѣднія издаются папистами и лютерами, вмѣщающими въ тѣхъ книгахъ свою ересь,—авторъ писанія, отъ лица «бѣдныхъ гречанъ», всю ихъ надежду возлагалъ на православнаго московскаго царя. «Да повелишь,—говорилось въ челобитной,—быть греческой печати, и пріѣхать греческому учителю учить русскихъ дѣтей философіи и

[1]) Въ 1585 году александрійскій патріархъ Сильвестръ, въ своей отвѣтной грамотѣ царю Ѳеодору Іоанновичу на извѣщеніе его о кончинѣ отца, между прочимъ писалъ: «составь училища и поставь наказателя, чтобы въ немъ учились еллинской грамотѣ и были бы научены отъ многихъ божественныхъ книгъ всей мудрости Божіей православной вѣры». Сношенія Россіи съ востокомъ по дѣламъ церковнымъ, ч. 1, стр. 157—158.

богословіи на греческомъ языкѣ и по-русскому; тогда будутъ переводить многія книги греческія на русскій языкъ, которыя не переведены, и будетъ великая польза обѣимъ сторонамъ и великое добро, да и гречане освободятся отъ лукавства еретиковъ, и исполнятся во всемъ мірѣ православныя христіанскія книги, и не будемъ нуждаться въ тѣхъ, что составлены римскими и лютеранскими; здѣсь сполна древнія книги будутъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво, и тогда будетъ великая радость во всемъ мірѣ и во всемъ народѣ христіанскомъ, и прославится великое имя царствія вашего по всей вселенной, свыше Птоломея царя» [1]). Въ 1661 году газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ убѣждалъ русскаго царя стать подражателемъ Ѳеодосія и Юстиніана и создать «народныя училища», «къ ученію трехъ языковъ коренныхъ наипаче — греческаго, латинскаго и славенскаго». Церковныя имущества, по мнѣнію Лигарида, доставили бы готовый источникъ матеріальныхъ средствъ для такого предпріятія: имѣя «подъ своею прекрѣпкою рукою толико пребогатыя митрополіи, толико преизобилующія архіепископіи, толикая величайшая монастыри», московскій государь могъ повелѣть, чтобы каждый изъ «сихъ начальниковъ, по мѣрѣ своихъ приходовъ, толико питомцевъ и толико клирикъ препитати тщился ради наученія сихъ трехъ языковъ» [2]). Въ 1666 г. патріархи александрійскій и антіохійскій, лично находясь въ Москвѣ, опять настойчиво побуждали Москву спѣшить учебнымъ дѣломъ и бросали въ русскихъ людей укоромъ за мнимое отвращеніе ихъ отъ премудрости. «Грекове,—толковали патріархи,—сущіи нынѣ подъ игомъ и по вся дни отъ нечестивыя томимыи, въ самомъ кентрѣ или пупѣ мучительства, въ самой глаголемъ Византіи училища отверзоша, ради сохраненія перваго и царственнаго онаго діалекту,—и да не къ тому нѣціи грекове извѣтъ даютъ, яко ходятъ въ страны за-

[1]) Тамъ же, ч. II, стр. 309, 332—337.

[2]) Прибавленія къ изд. твореній св. отцевъ въ русскомъ пер., 1845, кн. 2, стр. 160—162.

падныя еже стяжати ученіе греческое.—Но вы, о преблагословенніи россійстіи людіе, Божіимъ милосердіемъ, ниже ига работы страждете, ниже дани съ насиліемъ даете, но свободно жительствуете и велій покой имѣете,—обаче ученія чужаетеся волею, мало цѣняще, и мудрость, предстоящую Богу, не добрѣ о ней держаще, презираете». Между тѣмъ, устроивъ у себя греческую школу, Москвичи совсѣмъ заставили бы смолкнуть упомянутый извѣтъ на грековъ. «Положи отнынѣ въ сердцѣ твоемъ,—напоминали восточные іерархи московскому царю,—училища такъ греческая, яко славенская и иная наздати, спудеовъ умножити, учители благоискусныя взыскати»; архіереевъ и архимандритовъ русскихъ, имѣющихъ «многія вотчины и доходы довольные», патріархи приглашали раздѣлить съ царскимъ престоломъ бремя этого «божественнаго дѣла» [1]). Въ 1669 году снова какой-то грекъ дѣлалъ представленіе нашему правительству о заведеніи въ Москвѣ греческаго училища [2]).

Москва съ своей стороны не отвергала сношеній съ православными учеными людьми востока и западной Россіи по дѣлу своего просвѣщенія, обращалась къ нимъ за содѣйствіемъ [3]). Но, принимая услуги ихъ, она не поступалась само-

---

[1]) Тамъ же, стр. 163—167.

[2]) Прав. Обозр., 1872, II, 58—57.

[3]) Въ 1633 году константинопольскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ по просьбѣ московскихъ великихъ государей—царя и патріарха—хотѣлъ прислать къ нимъ учителя Киріака отъ св. Аѳонской горы, только онъ ѣхать не могъ по старости своей и безсилію, и Кириллъ обѣщалъ «иного учителя сыскивать и посылалъ имъ полезныя по его мнѣнію для Россіи книги» (Сношенія Россіи съ востокомъ по дѣламъ церковнымъ. Спб. 1860. Ч. II, стр. 146). Сохранился рядъ извѣстій о греческихъ ученыхъ, которые являлись въ Москву, въ качествѣ носителей просвѣщенія. Таковы извѣстія: о пріѣздѣ въ 1633 году протосингелла Александрійскаго патріарха архимандрита Іосифа, жившаго передъ тѣмъ въ разныхъ городахъ юго-западной Россіи для «науки и утвержденія вѣры», и оставленнаго въ Москвѣ «переводить греческія книги на славянскій языкъ и учить малыхъ ребятъ греческому языку и грамотѣ на учительскомъ дворѣ» (Сношенія Россіи съ востокомъ по дѣламъ церковнымъ, ч. II, стр. 4. 7. 142. 143); —о константинопольскомъ архимандритѣ Венедиктѣ, который

стоятельностью своей задачи и выступала въ отношеніяхъ къ греческимъ и западно-русскимъ ученымъ самоустроительницей своего образованія. Упреки въ невѣжественной косности, какіе Москвѣ приходилось при этомъ выслушивать отъ пріѣзжихъ учителей, ее не смущали и не сбивали съ толку. На посторонній взглядъ грековъ, равно какъ и многихъ западно-руссовъ, весь школьный вопросъ Москвы исчерпывался, казалось, однимъ «благополучіемъ и довольствомъ изобильнымъ», которое она «имѣла въ рукахъ своихъ». Въ самой же Москвѣ, властной распорядиться этимъ довольствомъ, вопросъ ставился иначе: тамъ, очевидно, не хотѣли, чтобы московская школа была дѣломъ чужаго ума и не мѣшали жизненному ея росту перенесеніемъ на великорусскую почву цѣликомъ училищъ еллинскихъ или западно-русскихъ. Туземные дѣятели образованія не отступали отъ того общаго и безупречнаго правила московскаго поведенія, которое разъ такъ мѣтко выразилъ одинъ великорусскій бояринъ того времени словами: «держи свой умъ, навыкай русскому извычею» [1]). Оттого-то, напримѣръ, богословская книга Зизанія,

---

пріѣзжалъ въ Москву въ половинѣ XVII вѣка и былъ сильно рекомендованъ греками, какъ отличный учитель; — о навпактскомъ митрополитѣ Гавріилѣ, находившемся учителемъ въ Константинополѣ при патріархіи, который пріѣзжалъ въ Москву въ 1651 году «для богословскаго ученія», будучи отрекомендованъ, какъ «знаменитый богословъ въ родѣ греческомъ»; — объ архимандритѣ Діонисіѣ, который, прибывъ въ Москву въ 1655 году, 15 лѣтъ «работалъ великому государю и св. церкви на печатномъ дворѣ»,—о Мелетіѣ іеродіаконѣ, жившемъ въ Москвѣ одновременно съ Діонисіемъ и несшемъ подобно ему «не малую заботу»;—о Николаѣ Мориціи, греческомъ философѣ и учителѣ, прибывшемъ въ Москву изъ Венеціи въ 1657 году;—объ Арсеніѣ грекѣ, пріѣхавшемъ въ Россію съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ и бывшемъ при патріархѣ Никонѣ учителемъ на печатномъ дворѣ,—и др. (Прав. Обозрѣніе, 1872. II, стр. 57, статья *Голубинскаго*: «Очеркъ исторіи просвѣщенія у грековъ со времени занятія Константинополя турками»).

[1]) Это было сказано по случайному мелкому поводу извѣстнымъ бояриномъ Морозовымъ, въ одномъ изъ писемъ его къ своему приказчику,—обрусѣвшему нѣмцу или поляку. Хорошо протолковалъ эти слова Забѣлинъ, примѣняя ихъ впрочемъ къ одной только государственной политикѣ: «Слова, говоритъ онъ, очень примѣчательныя. Русскій обычай, по отзыву первенствующаго боярина,

которую онъ «привезъ изъ Литвы, своего слогу», прежде ея напечатанія въ Москвѣ была провѣрена и исправлена, причемъ «о тѣхъ статьяхъ, которыя въ ней несходны съ русскими и греческими переводы о Божествѣ и воплощеніи, и о страсти Господни, и о всякомъ дѣйствѣ христіянского закона», справщикамъ велѣно было «поговорить съ Лаврентіемъ любовнымъ обычаемъ и смиреніемъ нрава». И въ томъ «преніи», какое состоялось по поводу этого пересмотра, свѣтло вынаруживается предъ нами строгая и отчетливая православная мысль представителей московскаго просвѣщенія, которые, слѣдя за смысломъ діалектическихъ тонкостей въ изложеніи богословскихъ положеній у Зизанія, находили по мѣстамъ неточности и невѣрности въ терминологіи западно-русскаго богослова, и, разъясняя ихъ, вызывали въ немъ добровольное признаніе, что онъ «тутъ виноватъ, проступился» [1]).

Когда мыслившіе московскіе люди успѣли ближе присмотрѣться къ выходцамъ изъ братскихъ западно-русскихъ школъ, Москва сдѣлала официальный вызовъ на службу своему образованію православныхъ ученыхъ западно-руссовъ, которые «Божественнаго Писанія вѣдущи, и еллинскому языку навычны, и съ еллинскаго языка на славенскую рѣчь перевести

---

руководителя государствомъ, заключался въ томъ, чтобы держать свой умъ. Въ этой мысли всегда коренилась вся политика Москвы, какъ государства, съ самаго ея начала и до той эпохи, когда первенствующее правящее государствомъ сословіе стало держать чужой умъ,—французскій, нѣмецкій, только не русскій... Крѣпкое держаніе своего ума спасло Москву, а съ нею и весь народъ отъ чужаго хозяйничанья въ русской землѣ и тѣмъ очень характерно отличало ея исторію отъ исторіи другихъ славянскихъ племенъ. «Вѣстникъ Европы», 1871, февр., стр. 499—500, статья: «Большой боярин въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ».

[1]) «Преніе литовскаго протопопа Л. Зизанія съ игуменомъ Иліею и справщикомъ Григоріемъ по поводу исправленія составленнаго Лаврентіемъ катихизиса» напеч. въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности, 1859, кн. 4, стр. 80—100. Въ 1878 году Обществомъ любителей древней письменности (въ XVII выпускѣ напечатанныхъ имъ памятниковъ) издано факсимиле другаго списка «Пренія», съ миніатюрою, изображающею справную палату и сотязающихся.

умѣютъ, и латинскую рѣчь достаточно знаютъ», и «изящны въ ученіи грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи». И съ 1649 года въ Москвѣ разомъ явилось цѣлое общество западно-русскихъ ученыхъ съ знаменитымъ Епифаніемъ Славинецкимъ во главѣ. Помѣщенные сначала въ загородномъ Андреевскомъ монастырѣ, нарочно для нихъ выстроенномъ московскимъ бояриномъ Ртищевымъ, вызванные ученые спустя нѣсколько лѣтъ были переведены патріархомъ въ Чудовъ монастырь, чтобы трудиться надъ исправленіемъ книгъ, а также и въ училищѣ [1]). Воспользовавшись ихъ силами, чудовское братство и справная палата составили главное средоточіе умственной и литературной дѣятельности Москвы, въ которомъ продолжала свое самовоспитаніе русская православная мысль. Славинецкій и его товарищи принесли въ ученый кругъ Чудова монастыря образованность первоначальныхъ братскихъ школъ западной Руси, — «ясные греческаго ученія лучи», по выраженію Епифанія; коренные московскіе дѣятели, усвоивая эту ученость, привносили отъ себя сознаніе состоятельности и достоинствъ русскаго прошлаго, внимательность къ его правамъ и интересамъ. Такимъ путемъ вскорѣ же изъ среды мѣстнаго общества выдвинулись лица, которыя удивляютъ насъ полнотою своего образованія въ области кореннаго русскаго развитія, соединивъ въ себѣ, съ обширными свѣдѣніями по старинной или современной имъ родной письменности, и знаніе языковъ, и умѣнье пользоваться западными средствами науки. Доказательства того представляютъ намъ труды и дѣятельность ихъ по типографіи, многочисленныя ихъ замѣтки, уцѣлѣвшія на разныхъ книгахъ и рукописяхъ, наконецъ ихъ библіотеки, отличавшіяся обиліемъ, разнообразіемъ и выборомъ, и состоявшія «изъ лучшихъ древнихъ рукописей, греческихъ, славянскихъ и русскихъ, греческихъ и московскихъ печатныхъ книгъ,

[1]) П. С. З. собр. 1, т. I, № 7. Древняя Рос. Вивліоѳ., ч. XVIII, стр 401. О дѣятельности Епифанія см. статью *Пѣвницкаго* въ Трудахъ кіевск. дух. акад. 1861, т. II.

даже научныхъ пособій, изданныхъ на западѣ, отъ Парижа до Праги и Венеціи» [1]).

Но между тѣмъ, какъ лучами греческой учености такъ удачно начала оплодотворяться своебытная русская мысль, была занесена въ Москву и «искра ученія латинскаго». Кромѣ представителей еллино-славянскаго образованія старыхъ братскихъ школъ, стали являться въ Великороссію и новые кіевскіе ученые. Рядъ ихъ открылъ собою въ 1664 году извѣстный Симеонъ Полоцкій, встрѣтившій благосклонный пріемъ въ придворной сферѣ, еще, какъ видно, не представлявшей глубокой разницы въ характерѣ науки тѣхъ и другихъ западно-руссовъ. Вскорѣ же по пріѣздѣ Полоцкаго въ Москву, былъ ему данъ царскій указъ о заведеніи латинской школы въ Спасскомъ монастырѣ за иконнымъ рядомъ. Молодые подъячіе тайнаго приказа стали первые «учиться по латынямъ» у Полоцкаго. Воспитанникъ кіево-могилянской коллегіи, онъ и въ собственномъ училищѣ сталъ подражать обычаямъ, какіе господствовали въ той коллегіи: главнымъ учебнымъ предметомъ была сдѣлана латынь; школьники заучивали «альваръ», піитику и риторику, сочиняли вирши и ораціи; греческому языку совсѣмъ не учились, и самъ Полоцкій не зналъ его [2]). Словомъ, Спасская школа стала сѣять первыя сѣмена новаго направленія въ дѣлѣ образованія московской Руси, направленія чуждаго школѣ Чудовской (и поглощенной ею Ртищевской), гдѣ, по примѣру первыхъ братскихъ училищъ, преимущественно учили по-гречески, и занятіямъ латинскими силлогизмами и діалектикой предпочитали изученіе отцевъ греко-восточной церкви. На московской почвѣ такимъ образомъ столкнулись два, различныя по духу, направленія просвѣщенія,—національно-православное и «латиномудренное».

---

[1]) Прав. Обозр., 1870, январь, стр. 132. 133. 140. 145—154, статья Бѣсонова: «Юрій Крижаничъ».

[2]) Описаніе славянскихъ рукоп. Моск. синод. библ., отд. II, 2, стр. 100. Древ. и Нов. Россія, 1875, т. III, стр. 15, статья *Майкова* «Симеонъ Полоцкій».

Представители перваго увидѣли теперь на себѣ нравственную обязанность разъясненія предъ московскимъ правительствомъ и обществомъ опасныхъ сторонъ кіевской школы, существеннаго ея отличія отъ старыхъ братскихъ училищъ и кореннаго несоотвѣтствія идеаламъ Русской земли. «Восточная часть», какъ потомъ называли иногда себя московскіе ученики Епифанія, стала зорко наблюдать за дѣятельностью «латиномудренной» части и противодѣйствовать вліянію латинской науки. Когда латинская школа Симеона около 1668 года была закрыта, вниманіе восточниковъ обратилось къ литературнымъ произведеніямъ Полоцкаго, въ которыхъ онъ, принося неизбѣжную дань польско-іезуитской схоластикѣ, выражалъ по мѣстамъ толкованія въ духѣ католичества. Строго слѣдя за неправославными мнѣніями кіевскаго ученаго, православное Чудовское братство не медля обличало ихъ то устными, иногда публичными, состязаніями, то письменными опроверженіями, установлявшими правильныя понятія въ русскомъ сознаніи. Достойно замѣчанія, что въ тѣже годы и правительственныя лица Москвы, толкуя противодѣйствіе малороссійскаго высшаго духовенства въ дѣлѣ подчиненія западной Россіи московскому государю, останавливались на заключеніи, что «горазды они ссорить и возмущать отъ латинской своей науки»,—и когда въ 1666 г. гетманъ Брюховецкій отъ имени духовенства просилъ московское правительство о возобновленіи кіевскихъ латинскихъ училищъ, то получилъ въ отвѣтъ, что лучше «школъ бы теперь не заводить» [1]).

Вскорѣ эта борьба «восточной части» должна была стать еще напряженнѣе, когда на московскій престолъ вступилъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, ученикъ Симеона Полоцкаго, когда поднялось вліяніе царскаго наставника и польскій элементъ сталъ значительнѣе въ верхнемъ классѣ московскаго общества. Теперь тамъ рѣшительнѣе заговорили о введеніи «сво-

1) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, XI, стр. 213—215, по изд. 1861 г.

бодныхъ наукъ» въ московскомъ государствѣ и Полоцкому уже было предоставлено обдумать устройство будущей академіи. Обстоятельства принимали угрожающій для русской школы характеръ, готовя ей порабощеніе схоластической системѣ кіево-могилянской коллегіи. Положеніе дѣла было вызывающее для лучшихъ носителей русскаго духа: нужно было отстоять родное образованіе отъ печальной судьбы, на которую обрекало его неразумное увлеченіе чужимъ просвѣщеніемъ. И они мужественно выступили предъ обществомъ въ духѣ протеста латино-польскому направленію учености кіевской.

До насъ дошли отъ того времени два характернѣйшихъ памятника, не оцѣненные еще по достоинству: «Разсужденіе, лучше ли есть учитися свободныхъ наукъ или неученымъ быти, и что лучше россійскимъ людемъ учитися греческаго языка, а не латинскаго» [1]), и «Доводъ, яко ученіе и языкъ еллино-греческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и ученіе» [2]). Вникая въ смыслъ этихъ памятниковъ, невозможно не увидѣть въ нихъ знаменательныхъ проявленій русскаго сознанія, ярко обозначившихъ въ представителяхъ его возвышенное воззрѣніе русскаго цѣльнаго ума на достоинство и назначеніе знанія, чуткость самонаблюденія и глубокое проникновеніе народными преданіями и потребностями образованія. Завѣтное стремленіе Руси къ самобытному типу школы все полнѣе выражалось, все яснѣе

---

[1]) «Разсужденіе» признаютъ трудомъ одного изъ московскихъ учениковъ Епифанія, іеромонаха Евѳимія (извѣстія 2 отд. Имп. Ак. наукъ, т. VI, стр. 245). Списокъ «разсужденія» есть въ рук. сборникѣ Новгор. соф. библіотеки № 423, лл. 1—19. Обзоръ содержанія его см. въ Журн. мин. нар. просвѣщ. 1878, іюль стр. 22—30.

[2]) Списокъ его въ рукописи моск. дух. академіи, нач. XVIII вѣка. Краткій обзоръ содержанія его см. въ Прибавленіяхъ къ изд. твореній св. отцовъ въ русск. переводѣ, 1845, кн. 2, стр. 176—178. «Доводъ» считаютъ произведеніемъ жившаго тогда въ Москвѣ Павла Негребецкаго, воспитанника Львовской братской школы, сохранявшей чистыя начала западно-русскаго просвѣщенія. (*Филаретъ*, Обзоръ русской дух. литературы, кн. 1, стр. 296. Харьковъ 1859).

опознавалось въ условіяхъ этого дѣла, — и авторы «Разсужденія» и «Довода», откликаясь на текущіе запросы роднаго ума, подробно останавливались на указаніи своему обществу той опасности, которой оно подвергнетъ коренныя основы своего просвѣщенія, если, оставивъ греческія книги, станетъ обращаться только съ латинскими и польскими. «Вопроси нѣкто честенъ мужъ,—такъ начиналось одно изъ этихъ руководящихъ произведеній русской общественной мысли,—учитися-ли намъ полезнѣе грамматики, риторики, философіи и ѳеологіи, и стихотворному художеству, и оттуду познавати Божественная Писанія? или и неучася симъ хитростемъ, въ простотѣ Богу угождати и отъ чтенія разумъ святыхъ Писаній познавати?» Въ отвѣтъ на это разъяснялось, что «простота—сугуба: ова незлобіе глаголется, еже есть добродѣтель..., ова же невѣжество, рекше неученіе, въ немъ же содержится невѣжество Божіего закона, еже злоба есть преглубока... Ученіе же свѣтъ путеводящій къ Богознанію,—ясная луча есть, ею же невѣжества тма разрушается и естественныя человѣческаго разума очеса просвѣщаются, и есть веліе благо». «Вижду и проразумѣваю, продолжалъ «вопроситель», яко ученіе свѣтъ, неученіе же тма; но котораго языка ученію учитися намъ словяномъ потребнѣе и полезнѣшее: латинскаго, или греческаго? Отвѣщано тому: греческаго и словенскаго» [1]). Чуждые однако исключительности, «Доводъ» и «Разсужденіе» не изгоняли совсѣмъ латинскаго языка изъ своей программы, а требовали только, чтобы славянскій и греческій языки лежали въ основѣ русскаго образованія. «Подобаетъ наипаче учитися гречески, понеже не токмо тѣмъ языкомъ не вредится православная вѣра, яко латинскимъ, но и зѣло прославляется, и учити купно съ славенскимъ, яко да временемъ и славенскій языкъ, который пребогатъ есть, очистится и межъ иныхъ ученыхъ языковъ сочетается; а по грече-

[1]) Разсужденіе, л. 1.

скомъ ученіи легче хотящему невредительно учитися и латинскому» [1]). Для передовыхъ русскихъ мыслящихъ силъ было ясно, что рѣшая вопросъ о греческой или латинской наукѣ для «народа великороссійскаго» слѣдовало смотрѣть на то, чтобы «ученицы Христовы» остались вѣрны себѣ, пребыли «и здрави, и тверди, и не позыбленни отъ прираженія иномнѣйныхъ, въ православной вѣрѣ, основани не на песцѣ нововымышленій, но на твердомъ основаніи водруженни, на самомъ краеугольномъ камени Христѣ: иного бо основанія никто же можетъ положити». Разбирая дѣло съ этой точки зрѣнія, они указывали въ греческомъ ученіи купно съ славянскимъ залогъ православія и народности русскаго просвѣщенія. При пособіи греческаго ученія, проникнутаго православными убѣжденіями, русское общество, въ своихъ заботахъ о подъемѣ самобытнаго образованія, могло не опасаться за цѣлость и чистоту основныхъ особенностей своего духа; латинское ученіе могло стереть живое своеобразіе русскаго міра, по «далечности и разности славяномъ отъ латинъ», по «несвойству и далечности латинскаго языка отъ славянскаго и греческаго». Историческими, филологическими и богословскими соображеніями «Разсужденіе» и «Доводъ» разъясняли, какъ «согласенъ славянскій языкъ съ греческимъ», какъ этотъ послѣдній «честенъ и великъ и богословіе могущъ объяти, не заимствуя языка латинскаго,—языкъ же латинскій безъ греческаго ничто же могущъ высокихъ разумѣній, паче же, о богословіи, писати и глаголати»; какъ «ученіе греческое, наипаче въ богословіи, истина и свѣтъ», и «учаяйся тому не погрѣшитъ истины о богословіи», а «латинское о богословіи ученіе растлѣнно и губительно, и къ прелести тѣхъ удобоотводительно» [2]). «Древніи святіи отцы наши—Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Аѳанасій Великій, Іоаннъ Дамаскинъ и иніи,—яко учахуся богословіи на

[1]) «Доводъ».

[2]) Разсужденіе, лл. 7 об.; 14 об.; 15 об.

гречестѣмъ языцѣ, тако и вѣроваху, и ввѣренныя имъ учаху: латинницы же вѣруютъ написанной имъ растлѣнной богословіи отъ врага церкве святыя восточныя, іезуита Ѳомы Аквинуса, тако и учатся и учатъ, и учившіися, кто либо будутъ, удобно въ стремнину погибели тоя низстремляются, удалившеся святыхъ отцевъ ѳеологіи» [1]). Отсюда слѣдовалъ совершенно убѣдительный для родной мысли выводъ, что латинскій языкъ «велми самъ собою не потребенъ намъ славяномъ» и не только не замѣнитъ греческаго, но будетъ угрожать языку и православію русскаго народа. «Опаство имѣти подобаетъ, да и не славенскій діалектъ что отъ того латинскаго ученія постраждетъ, яко уже и начинаются латинскія и польскія пословицы славенскаго языка въ писаніихъ появлятися; древле-же отнюдъ таковыхъ глаголаній славяне удаляхуся, зане реченіемъ обыкоша и нравы послѣдовати» [2]). Истина, что языкъ составляетъ отраженіе духа народнаго, очевидно, чувствовалась хорошо нашими предками, и отъ имени ея они утверждали, что латинское ученіе не только не поможетъ русской наукѣ явиться «свѣтомъ путеводящимъ къ Богознанію», не только не „въспользуетъ“ русскую православную мысль, подобно греческому ученію, «но паче потлитъ, и къ западныхъ зломудрію тайно и внезапно привлечетъ» [3]). Живой примѣръ новыхъ западно-русскихъ школъ, подчинившихся этой готовой латинской схоластикѣ, подтверждалъ вполнѣ справедливость такого опасенія; «познаваются въ нихъ останки езувическіе» [4]). Не безъ наглядной убѣдительности авторы памятниковъ указывали на нѣкоторыя явленія въ самой Москвѣ, гдѣ «отъ ученія латинскаго, ничто же еще видя, начинаются быти странныя подвергы и чуждыя восточныя святыя церкве, матере нашея, нѣкоего символа, его-же держатъ латинницы и лютеры, лживо называюще быти апостольскій,.. и иный подвергъ тайный по латинскому смышленію, о пре-

[1]) Тамъ же, л. об. 15—16.

[2]) Тамъ же, л. об. 7—8.

[3]) Тамъ же, лл. 14 об. и 15.

[4]) «Доводъ».

существленіи тѣла и крове Христовы изъ хлѣба и вина, не согласующійся св. отцевъ восточныхъ ученіемъ, и ина нѣкая новшества». «И сія убо,—предостерегало «Разсужденіе»,—еще ниже начало пріемшу латинскому ученію славяномъ: егда же тое ученіе въ дѣло произъидетъ и преуспѣвати начнетъ, не пострадати бы, по притчи: бѣжавшимъ дыма не впасти бы въ пламень»,—который можетъ охватить и духовную, и политическую цѣлость Великой Россіи. «Егда услышатъ латинское ученіе, въ Москвѣ наченшееся, врази истины, плевосѣятеле тернія западнаго во среди чистыя пшеницы, изъ востока насѣянныя, лукавіи іезуити подъидутъ и неудобопознаваемыя своя силлогисмы или аргументы душетлительныя начнутъ злохитростно всѣвати, тогда что будетъ? Ни что ино, точію окоптѣлый чистительнаго огня дымомъ латинскаго смышленія зачнется куколь и родитъ любопрѣнія; потомъ (пощади Боже) отступленіе отъ истины; еже страждетъ или уже и пострада Малая Россія, пріучившися латинѣ: быша мало не вси—уніаты, рѣдціи осташася православніи» [1]). Въ виду такой плачевной возможности погубить или исказить дорогія пріобрѣтенія роднаго начала, авторъ «Разсужденія» горячо призывалъ правительственныхъ и общественныхъ русскихъ дѣятелей стойко противодѣйствовать вторженію западныхъ латинскихъ началъ въ дѣло русской школы и заключалъ свою рѣчь прекрасными словами глубокой вѣры въ будущее развитіе самобытной православной науки въ великорусскомъ царствѣ. «Сихъ ради всѣхъ подобаетъ неокосненно недремлющимъ умомъ архипастыремъ и въсѣмъ купно и начальникомъ, духовнымъ и мірскимъ, предразумѣвати, предваряти, промышляти и угашати, моленми, ученми и запрещенми, малую искру латинскаго ученія, не дати тѣй раздмитися и воскуритися, да не пламень западнаго зломысленнаго мудрованія растекся попалитъ и въ ничтоже обратитъ православія восточнаго истину. Но утренняя звѣзда, изъ востока прежде Свѣ-

[1]) Разсужденіе, л. л. об. 17—18.

тоносца возсіявшая, озаривши насъ, вѣрныхъ своихъ, сердца лучею истиннознанія, да удостоитъ ны, святыхъ восточныхъ отцевъ ученьми путеводимыхъ, на истину православнаго знанія» [1]).

Такія откровенныя, жизненной правды полныя рѣчи не могли не производить серьезнаго впечатлѣнія на умы, увлекавшіеся въ сторону отъ исконныхъ началъ русскаго развитія; къ нимъ, этимъ рѣчамъ, внимательно прислушались правительственныя лица Москвы. Замѣчательно, что въ это именно время русское правительство съ особеннымъ интересомъ обратилось къ извѣстнымъ «Разговорамъ о владѣтельствѣ» — Крижанича [2]), которые были авторомъ поданы ему еще въ концѣ предъидущаго царствованія, и въ которыхъ этотъ славянскій патріотъ, занятый идеей о политическомъ возстановленіи славянства посредствомъ русской силы, выступалъ также оберегателемъ самостоятельной силы Россіи, подробно разъясняя, что главнѣйшія причины бытовыхъ ея неустройствъ коренятся въ незнаніи русскимъ народомъ самаго себя и въ потачкѣ его давленію иноземцевъ, въ общеніи съ которыми нужно различать добро отъ зла и помнить, что иностранное не можетъ быть удовлетворительною замѣною своего собственнаго. Два руководящія правила—«познай самъ себя» и «не вѣруй инородникомъ»,—выставленныя, какъ непремѣнное условіе русскаго преуспѣянія, въ сочиненіи Крижанича, при сопоставленіи послѣдняго съ «Разсужденіемъ» и «Доводомъ» получали особенную убѣдительность и высшее значеніе для московскаго царства.

И Москва послушалась голоса правды народной. Это мы видимъ сряду же—въ заведеніи (въ 1679 году) на печатномъ

---

[1]) Тамъ же, лл. об. 18—19.

[2]) Прав. Обозр., 1870, т. I, стр. 138—139, статья *Безсонова*: «Юрій Крижаничъ». «Разговоры о владѣтельствѣ» изданы Безсоновымъ же, подъ заглавіемъ: Русское государство въ половинѣ XVII столѣтія. Москва. 1859.

дворѣ школы «греческаго и славенскаго книжнаго писанія» [1]), въ той заботливости, съ какою царь, склонный прежде къ польско-латинскимъ взглядамъ, относится къ этому училищу [2]), наконецъ въ оживленныхъ приготовленіяхъ Москвы къ учрежденію у себя такой высшей школы, которая бы составила собственную мысль и дѣло Россіи и послужила оплотомъ и двигателемъ русскаго просвѣщенія на коренныхъ основахъ его. На православный востокъ къ патріархамъ отправлена просьба прислать въ Москву учителей, могущихъ содѣйствовать такому начинанію. Слухъ о предпріятіи Москвы влечетъ туда ученыхъ изъ польскаго края, но русскій царь не хочетъ поручать академическаго дѣла даже рекомендованнымъ ученымъ западной Россіи [3]). Между тѣмъ, при несомнѣнномъ на этотъ разъ участіи епифаніевцевъ, намѣчается общая постановка и программа предпріятія. Начертывается планъ академіи свободныхъ наукъ, имѣющей задачею своей просвѣщеніе внутренней жизни Россіи, преуспѣяніе умственныхъ и нравственныхъ силъ ея; одновременно задуманъ проектъ отдѣльныхъ отъ академіи училищъ техническихъ знаній (науки цифирной,

---

[1]) Такъ называется типографская школа въ современной «Расходной книгѣ патріаршаго казеннаго приказа», въ «записи расходамъ на школы». (Извлеченія изъ этой записи были сообщены имъ проф. М. И. Горчаковымъ и войдутъ въ составъ изслѣдованія его о патріаршей и синодальной области). Открывъ на печатномъ дворѣ училище, царь приказалъ устроить новое благолѣпное зданіе и для типографской библіотеки, и дѣятельно заботился о пополненіи ея книгами общеобразовательнаго содержанія, учеными и учебными пособіями. Въ это время печатный приказъ издерживалъ ежегодно весьма значительныя суммы на пріобрѣтеніе рукописныхъ и печатныхъ книгъ, и часто весьма дорогихъ иностранныхъ изданій. *Румянцевъ*, Библіотека Моск. печатнаго двора.

[2]) Древн. Рос. Вивліоѳ., изд. 2, ч. XVI, стр. 297.

[3]) Прибавл. къ твор. св. отцевъ, 1845, кн. 2, стр. 179. «Что вина твоего къ Москвѣ пріѣзду?» спросили у Яна Бѣлободскаго, кальвинскаго проповѣдника, прибывшаго изъ Слупка. Услышахъ, отвѣчалъ Янъ, яко великій государь хощетъ по Москвѣ ученіе заводити и академію устроити, и азъ пріѣхалъ учити. «Тобою-ли, сказано было ему на это,—таковое великое дѣло начинати? Вмѣсто утвержденія православныя вѣры, ея же ради великій государь науки желаетъ, проклятую ересь скоро бы ты ввелъ еси».

фортификаціи или инженерской, артиллеріи, архитектуры и др.), необходимыхъ для внѣшней пользы русскаго государства. Положенія академическаго учрежденія тогда же скрѣплены «царскимъ словомъ» и вслѣдъ затѣмъ вносятся въ государственную грамоту, которою Ѳедоръ Алексѣевичъ намѣренъ пожаловать будущую академію «въ вѣчную онаго дѣла крѣпость и утвержденіе» [1]).

Это былъ полный величія и глубокаго смысла моментъ въ исторіи нашей школы. «Наша православная вѣра»—вотъ что торжественно признала самоцѣнной своей нормой русская академія на «всѣ послѣдствующіе вѣки, непремѣнно, безъ всякаго нарушенія». Санкціонировалась живая, Россіи присущая, тенденція учрежденія, которому надлежало развиваться въ національный институтъ образованія. Только подъ условіемъ этой, изъ духа Русской земли вытекавшей, нормы получали собственный тонъ и жизненную стоимость тѣ науки, гражданскія и духовныя, которыя хотѣла вмѣстить въ себѣ московская академія, «наченше отъ грамматики, пиитики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и нравной, даже до богословіи, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія, притомъ же и ученія правосудія, духовнаго и мірскаго, и прочихъ всѣхъ свободныхъ наукъ, ими же цѣлость академіи составляется». Въ единствѣ высшаго и роднаго начала коренилось ручательство органической устойчивости и независимаго направленія этихъ отраслей человѣческаго знанія, вводимыхъ въ московскую академію. Онѣ должны были явиться здѣсь средствомъ къ уясненію русской православной своебытности, въ ея особности «отъ

---

[1]) Грамота объ академіи напечатана въ Древней Рос. Вивліоѳ., изд. 2, ч. VI, стр. 397—420, и въ Исторіи Рос. іер., ч. I, стр. 515—543. Проектъ о спеціальныхъ школахъ (вызванный желаніемъ, чтобы «на Москвѣ завелись тѣ науки и ремесла, которыхъ нынѣ изъ иныхъ чужихъ государствъ всегда здѣсь требуютъ и дорогою цѣною купятъ») см. въ сочиненіи «О общественномъ призрѣніи въ Россіи», Спб. 1818, часть 1, стр. 35—39. Сн. Замысловскаго, Царствованіе Ѳедора Алексѣевича, стр. 26—29.

неправдъ римлянъ, лютеровъ и кальвинъ», служить къ расширенію и укрѣпленію русскаго самопознанія, «во еже-бы свѣтъ разума въ благочестіи умножался», который бы проникалъ всѣ проявленія родной жизни и сообщалъ мудрость различать злое и доброе въ вещахъ гражданскихъ и духовныхъ: «злое — да отъ него уклонимся, доброе — да ему послѣдствуемъ». Народная воспитывающая сила, московская академія была объявлена «общимъ» училищемъ, открытымъ для людей «всякаго чина, сана и возраста»; всѣ, требующіе ума, приглашались туда «ѣсть хлѣбъ слова Божія и пить вино разсужденія, безъ всякаго сребродаянія». Свою дѣятельность академія такимъ образомъ хотѣла повести на глазахъ всего общества. Энергіи блюстителя и учителей предстояло выработать «подобающее учрежденіе» академическихъ занятій и воплощать его въ дѣло, отвѣчавшее русскимъ воззрѣніямъ. Въ интересѣ этихъ послѣднихъ ученые западно-европейцы были обойдены въ академическомъ проектѣ. Блюстителями и учителями могли быть только «благочестивые дидаскалы», духовные и «мірскаго чина», «отъ благочестивыхъ родителей рожденные и воспитанные въ православной христіанской вѣрѣ, россійскаго и греческаго народа»; но изъ грековъ могли учительствовать только тѣ, которые имѣли достовѣрное свидѣтельство о себѣ отъ православныхъ патріарховъ и притомъ были крѣпко испытаны и въ самой Россіи; точно также и русскихъ выходцевъ изъ Литвы и Малороссіи слѣдовало принимать не иначе, какъ послѣ «подлиннаго объ нихъ извѣстія благочестивыхъ людей». Средоточіе русскаго просвѣщенія, будущая академія должна была взять также на себя завѣдываніе образованіемъ, разсмотрѣніе книгъ и наблюденіе за православнымъ направленіемъ умовъ въ Россіи. Сообразно съ высокими обязанностями академіи, рѣшили предоставить ей нестѣсняемое посторонними вмѣшательствами положеніе, — права самостоятельнаго учрежденія, подлежавшаго собственному управленію и суду во всѣхъ дѣлахъ, за исключеніемъ уголовныхъ. Независимую жизнь академіи проектъ обезпечи-

валъ и по внѣшней сторонѣ: церковь и государство хотѣли принять совокупное участіе въ расходахъ на содержаніе задуманнаго училища и доставить ему богатые источники матеріальныхъ средствъ, — нѣсколько дворцовыхъ волостей и пустошей, нѣсколько монастырей, со всѣми дворами и угодьями; вмѣстѣ съ этимъ могло и общество «на пропитаніе и одежду ученикамъ, на сколько кто человѣкъ изволитъ, въ вѣчное время всякая своя наданія придавать». Помѣщеніе для академіи назначено было «при монастырѣ всемилостиваго Спаса», въ особомъ зданіи, постройка котораго принималась на счетъ царской казны. Свою грамоту государь заключалъ пожалованіемъ училищу государственной библіотеки и всенароднымъ обязательствомъ за себя и за своихъ преемниковъ крѣпко хранить академію «отъ всякихъ злоключеній, нападеній и бѣдствъ».

Зарождалась въ Великой Руси типическая, цѣлостно и широко понятая, школа высшаго образованія. Но при самомъ возникновеніи дѣла суждено ему было встрѣтиться съ «злоключеніемъ». Подписавъ грамоту объ академіи въ началѣ 1682 года [1]) и давъ указъ сдѣлать на первый разъ въ Спасскомъ монастырѣ «для ученья двѣ кельи» [2]), Ѳедоръ Алексѣевичъ вскорѣ затѣмъ скончался, къ великой горести остальныхъ дѣятелей великаго начинанія. «Ибо отъ сего благоразумнаго государя—можно сказать здѣсь словами митрополита Платона—все просвѣщеніе и поправленіе происходило не вдругъ, но по малу и съ соображеніемъ свойства народа; что все было бы еще тверже и надежнѣе, яко онъ основывалъ то на благочестіи и утверждалъ своимъ благочестивымъ примѣромъ. Но сего благополучія насъ непостижимая судьба Божія не удостоила» [3]

Въ правленіе Софьи Алексѣевны [redacted]вской кругъ не за-

[1]) *Замысловскій*, Царствованіе Ѳедора Алексѣевича, стр. 4—5 и 10.

[2]) *Забѣлинъ*, Домашній бытъ русскаго народа въ XVI и XVII ст., т. I., М. 1862, стр. 417.

[3]) *Платонъ*, Краткая церковная россійская исторія, М. 1805, т. II, стр. 266.

медлилъ выступить передъ нею съ ходатайствомъ о томъ, чтобы данъ былъ ходъ учебному проекту, принятому покойнымъ государемъ. Но въ тоже время и латиномудренная часть, думая опереться на сочувствіе царевны,—ученицы покойнаго Полоцкаго,—возобновила свои притязанія на дѣло русскаго образованія. Возгорѣлась опять борьба московскихъ силъ съ латино-польскимъ вліяніемъ. Присланные въ 1685 году съ востока для московской школы учители, ученые іеромонахи Іоанникій и Софроній Лихуды дѣятельно помогли имъ въ этой борьбѣ, блистательно заявивъ свою ученость и православіе. Между тѣмъ споры, взволновавшіе Москву по поводу хлѣбопоклонической ереси, поборниками которой оказались представители латино-кіевской науки, наглядно выставили зловредную сторону этой послѣдней и вскорѣ окончились извѣстнымъ пораженіемъ ученыхъ кіевлянъ на Московскомъ соборѣ 1690 года.

Родная мысль, родное дѣло восторжествовали. Съ 1687 года при Заиконоспаскомъ монастырѣ, въ новыхъ каменныхъ палатахъ, въ присутствіи патріарха съ соборомъ духовенства, открыта была славяно-греко-латинская академія [1]). Лица раз-

---

[1]) Лихуды впрочемъ еще съ ноября 1686 г. начали свое учительство, открывъ школу «высшихъ греческихъ наукъ» въ Богоявленскомъ монастырѣ. Изъ упомянутой выше расходной книги патріаршаго казеннаго приказа приводимъ нѣсколько любопытныхъ подробностей объ этой школѣ. Въ первое время было въ ней 11 учениковъ; они получали кормовыхъ по 3 деньги въ день и поступали къ Лихудамъ для продолженія ученія изъ школы типографскаго двора, въ которой въ началѣ 1686 года (въ сентябрѣ) было 53 ученика (получавшіе кормовыхъ по 2 д.), а въ декабрѣ—44 (12 человѣкъ первой статьи и 32 второй статьи). Въ январѣ того же года 29 числа въ ту и другую школу «патріархъ ходилъ съ архіереями», «учениковъ слушалъ ученія» и даридъ ихъ деньгами; у Лихудовъ было тогда 32 ученика; у Тимоѳея и Мануила (Тимоѳей не только управлялъ школой, но и училъ въ ней) 222: греческаго писанія 56 и славянскаго 166. Учители и ученики обѣихъ школъ въ праздники Рождества и Пасхи ходили къ патріарху, «славили и говорили поздравительныя рѣчи, греческимъ и словенскимъ языкомъ», и получали славленое. Та и другая школа существовали до того времени, когда было выстроено особое академическое зданіе въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, что случилось не ранѣе начала 1687 года, какъ показываетъ слѣдующая запись (любопытная еще и по указанію

ныхъ званій и возрастовъ поступили учениками въ новую школу. «Учители греческихъ высшихъ наукъ» показали себя способными, полезными наставниками, старавшимися приводить дѣятельность свою въ согласіе съ общимъ тономъ и направленіемъ умственнаго движенія Москвы и примѣнять преподаваніе не только къ понятіямъ, но и къ національному характеру своихъ академистовъ [1]). Починъ дѣла былъ успѣшный и на историческомъ своемъ пути обѣщалъ животворные результаты для русскаго просвѣщенія. Въ предположеніи такого значенія московской академіи архіереи нѣкоторыхъ епархій уже спѣшили воспользоваться ею [2]). Нужно было теперь заботиться о томъ, чтобы поставить возникавшее учрежденіе въ тѣ условія и средства дѣятельности, которыя были намѣчены въ планѣ Ѳедора Алексѣевича и которыя были необходимы ему для постепеннаго осуществленія своей великой идеи. Но пока новое «злоключеніе» постигло академію. Противъ Лихудовъ возсталъ по личнымъ причинамъ патріархъ іерусалимскій Досифей и потребовалъ отъ московскаго правительства устраненія ихъ изъ московской школы, какъ людей подозрительныхъ будто бы въ латинствѣ. Подкрѣпленная нѣкоторыми

---

на существованіе славянской школы въ упомянутомъ монастырѣ): «іюня въ 3 день (1686) патріархъ ходилъ въ Спасовъ монастырь для досмотру мѣста, гдѣ строить каменныя полаты для ученія ученикомъ греческаго книжнаго писанія,—и въ томъ монастырѣ ученикомъ словенскаго ученія, которые учатся у монаха Сѣливестра, Ив. Семенову съ товарищи, 23 человѣкомъ, дано по 6 д. человѣку». (Такая же школа словенскаго ученія была тогда и въ Чудовомъ монастырѣ. Смирновъ, Ист. Моск. академіи, стр. 23). Въ 1692 году въ заиконоспасской академіи было 196 учениковъ (9 старшихъ, 12 учениковъ грамматическаго ученія, 39—гречѣскаго словесного ученія и 136—словесного россійскаго ученія).

[1]) Исторія Моск. славяно-греко-лат. академіи, стр. 63, 53, 49. Журналъ Мин. Нар. Просв., 1845, ч. 45; 1867, ч. 135 (статьи *Смѣловскаго* и *Образцова* о братьяхъ Лихудахъ).

[2]) Наприм., извѣстно, что Аѳанасій холмогорскій прислалъ въ Москву для обученія въ академіи троихъ учениковъ, въ надеждѣ обратить потомъ ихъ силы и познанія на дѣло просвѣщенія въ своемъ краѣ. Странникъ, 1866 г., сент., стр. 117, статья *Постникова*: Аѳанасій первый архіепископъ холмогорскій.

другими обстоятельствами, настойчивость Досифея удалась, несмотря на все нежеланіе уступить ей со стороны чудовцевъ и патріарха Адріана [1]). Въ 1694 году Лихуды удалились изъ академіи, новыхъ учителей, обѣщанныхъ Досифеемъ, сряду не нашлось и для преподаванія остались въ ней недоучившіеся слушатели Іоанникія и Софронія. Въ этомъ положеніи засталъ московскую академію XVIII вѣкъ.

Е. Прилежаевъ.

[1]) Исторія Моск. славяно-греко-латинск. академіи, стр. 32—36. Соловьева Исторія Россіи, т. XIV, стр. 151—152 (изд. 1871).

# ШКОЛЬНОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ

## до Петра Великаго и въ началѣ XVIII вѣка.

### V [1]).

Ясенъ выводъ, къ которому приводитъ насъ наблюденіе за общимъ движеніемъ древне-русскаго просвѣщенія. Онъ говоритъ, что наканунѣ Петровской реформы русская мысль не коснѣла безпробудно въ невѣжествѣ, а серьезно думала о дѣлѣ русскаго образованія и работала надъ нимъ. Если она не заимствовала для него готовыхъ системъ отъ Европы, то именно потому, что признавая особенное значеніе школы въ жизни народа, хотѣла устроиться въ этомъ дѣлѣ самостоятельно и безъ чужой опеки надъ собой. Всѣ существенные факты изъ исторіи нашего образованія проникнуты этой тенденціей самобытности, все болѣе опознававшейся въ условіяхъ и пріемахъ своего дѣла, и раскрываютъ предъ нами хотя и медленный, но постепенный органическій ростъ послѣдняго. Образованіе еще не получило правильной системы, школа еще не успѣла сложиться въ полный, опредѣленный видъ, была несовершенна и неустроена; но духъ національно-православнаго самоопредѣленія былъ въ ней живой основой и мощной силой, она чувствовала подъ собою твердую почву, видѣла впереди свою опредѣленную цѣль,—и ея преуспѣяніе было дѣломъ времени и благопріятныхъ обстоятельствъ.

Если теперь, сообразивъ все прежде изложенное, припом-

---

[1]) Окончаніе. См. февральскую кн. «Странника».

нимъ мы приведенный въ началѣ нашего очерка разговоръ Петра Великаго съ патріархомъ Адріаномъ, то найдемъ особый многозначительный смыслъ въ заявленіи, которое было сдѣлано тогда государемъ на счетъ учебной постановки московской школы. Не мысль государя о систематическомъ приготовленіи отечественныхъ спеціалистовъ въ видахъ государственной пользы обращаетъ на себя вниманіе въ этомъ заявленіи: проектъ учрежденія училищъ для такихъ цѣлей уже до Петра Великаго существовалъ у русскихъ людей. Важна та особенность заявленія, которою рѣзко отдѣлился русскій государь отъ русскихъ людей,—именно намѣреніе его обратить въ орудіе для внѣшнихъ потребностей государственной службы ту самую школу, которая была заложена русскими людьми для цѣлей духовнаго саморазвитія Россіи.

Государь не осуществилъ того, что предполагалъ сдѣлать съ московской академіей: ради спеціальныхъ потребностей государственной службы онъ сталъ открывать особыя заведенія для выучки моряковъ, инженеровъ, артиллеристовъ, медиковъ и т. п. Но это не значило, что правда своеземныхъ идеаловъ и желаній въ школьномъ дѣлѣ признана была, — какъ видѣли мы то прежде, когда встрѣчались съ правительственными уклоненіями отъ этихъ желаній, — и что московской школѣ предоставлялось спокойно продолжать прежнее свое дѣло.

Исторія не отниметъ никогда у царя Петра Алексѣевича имени «Великаго»; но она откажется отъ положенія, будто Петръ Великій сосредоточилъ въ себѣ весь смыслъ нашей исторіи, и съ большими ограниченіями признаетъ, что дѣятельность его была окончательнымъ уясненіемъ и энергическимъ осуществленіемъ давнихъ, только не систематически и нерѣшительно проводившихся въ дѣло стремленій русской жизни. На поприщѣ русскаго школьнаго просвѣщенія, гдѣ до-Петровскіе русскіе люди дѣйствовали съ большою настойчивостью и глубочайшею вдумчивостью и уже вырабатывали систему своего дѣла, они не нашли себѣ въ Петрѣ Вели-

комъ мудраго и сильнаго пособника,—а собственныя усилія послѣдняго на этомъ пути въ прокъ не пошли. При всемъ геніальномъ умѣ Петра, при всецѣломъ его желаніи работать на благо Россіи, при всей горячей его энергіи, вышло именно такъ. Но мы поговоримъ объ этомъ побольше въ будущихъ статьяхъ о русской школѣ, которыя время отъ времени надѣемся предлагать вниманію нашихъ читателей.

Итакъ, не вѣруя въ Московскую Русь, государь во-первыхъ допустилъ къ русскому школьному дѣлу кіево-могилянскихъ ученыхъ, которыми сталъ онъ замѣнять въ церковномъ управленіи своихъ московскихъ людей. Первымъ изъ нихъ былъ извѣстный Стефанъ Яворскій, поставленный въ 1700 году митрополитомъ въ Рязань, а вслѣдъ затѣмъ, по смерти патріарха Адріана, опредѣленный мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. И онъ первый же и почеркнулъ, съ воли государя, прошлую исторію школы древне-русской, когда, назначенный протекторомъ московской академіи, обязанъ былъ взять на себя попеченіе о внутренней организаціи заиконоспасскихъ школъ и о расширеніи ихъ значенія для русскаго просвѣщенія. Человѣкъ пришлый, совсѣмъ чуждый тѣхъ соображеній, которыя руководили прежнихъ туземныхъ участниковъ академическаго дѣла, и видѣвшій лучшій типъ училища въ могилянской школѣ, митрополитъ Стефанъ, разумѣется, не замедлилъ выхлопотать у государя указъ «завесть въ академіи ученія латинскія» (1701 г.). Вслѣдъ за тѣмъ протекторъ выписалъ изъ Кіева учителей, даже учениковъ [1]), и въ Москвѣ былъ осуществленъ ненавистный ей и уже отставшій отъ движенія и европейской школы, латино-іезуитскій строй кіевской коллегіи.

На-ряду съ кіевлянами стали также хозяйничать въ школьномъ дѣлѣ иностранные ученые, которымъ теперь настежъ открыты были двери въ Россію. Уже въ 1703 г. пробстъ Эрнстъ Глюкъ открылъ въ Москвѣ, по указу царя, на го-

[1]) Исторія моск. славяно-греко-лат. академіи, стр. 81.

сударственныя средства, разноязычную школу для всякихъ чиновъ людей, причемъ самъ выбралъ нужныхъ учителей, которые всѣ были иноземцы, и самъ составилъ программу, въ которой объявлялось преподаваніе риторики, философіи дѣятельной, ѳики, политики, ариѳметики, географіи, философіи картезіанской, и не отступавшее отъ уровня современнаго филологическаго знанія изученіе языковъ французскаго, нѣмецкаго, латинскаго, а также греческаго, еврейскаго, сирскаго и халдейскаго,—послѣднихъ четырехъ—«въ пользу всѣмъ охотникамъ ѳеологскихъ сладостей». По смерти Глюка школу въ 1706 году передали въ завѣдываніе магистра философіи іенскаго университета Паузе, — при особой правительственной инструкціи, въ которой между прочимъ поручалось иностранцамъ учить русскаго православнаго человѣка *страху Господню* [1]). Съ точки зрѣнія европейскаго школьнаго образованія, училище Глюка и Паузе было выше реформированной Яворскимъ академіи и могло служить наглядным показателемъ отсталости послѣдней; но то и другое изъ этихъ правительственныхъ заведеній одинаково третировали свысока наличную стоимость русской жизни, которая представлялась имъ «нивой недѣланой и не носящей пшеницу, но волчецъ и осоты». Съ этой стороны обращеніе Глюковой программы «къ россійскимъ юношамъ», *аки мягкой и всякому изображенію угодной глинѣ*, выразительно характеризовало взгляды призванныхъ Петромъ дѣятелей русской школы на свое положеніе относительно послѣдней.

Та святыня, тотъ драгоцѣнный капиталъ, который такъ берегли и ростили русскіе люди, не существовали для Петра Великаго и его сподвижниковъ, увидѣвшихъ въ европейскомъ просвѣщеніи нѣчто самоцѣнное, а русскую жизнь и русскій народъ считавшихъ помѣхой правильно поставленной школѣ. Русскій умъ взятъ былъ теперь подъ опеку и отданъ въ науку ученымъ иноземцамъ, чтобы сдѣлать изъ Россіи слѣпо-непо-

[1]) *Пекарскаго*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., I, 126–131.

движной европейски-просвѣщенное государство. Понятно, что съ этимъ уже несовмѣстимо было свободное самоустройство русскаго образованія, подавить же послѣднее можно было тѣмъ легче, что своеземная школа русская еще только начинала слагаться въ систему и принимать опредѣленный самобытный обликъ. Еще немногочисленные своеземные труженики ея, непризнанные и непонятые, принуждены были сойти теперь со сцены, какъ люди отсталые, чтобы дать мѣсто новымъ дѣятелямъ, — тѣмъ самымъ, отъ которыхъ они прежде сторонились въ интересахъ просвѣщенія,—и со стороны наблюдать, какъ отрывалось это послѣднее отъ своего корня, какъ вторгались въ него два потока чужой образованности и, остановивъ его самобытное теченіе, нарушивъ его цѣльность и единство, уклоняли его по двумъ отрѣшеннымъ отъ роднаго русла направленіямъ. Одно стало воспитывать русскихъ людей внѣ церкви и православія, въ тенденціяхъ протестантства, порабощая русскую ученость европейской наукѣ, отчуждая образованное общество отъ самостоятельныхъ интересовъ русской мысли и жизни, разобщая его со всѣмъ роднымъ и православнымъ. Другая школа со знаменемъ вѣры и подъ покровительствомъ наличной высшей власти церкви выступала, но и она также безпочвенна была на русской землѣ. Съ характеромъ и содержаніемъ образованія, которые шли въ разладъ съ тономъ русскихъ требованій, латинская академія Москвы не могла имѣть народнаго значенія и явить изъ себя живодѣйственный источникъ русскаго самоусовершенствованія.

Чутье русскаго человѣка подмѣтило на первыхъ же порахъ неправославный оттѣнокъ первой изъ упомянутыхъ новыхъ правительственныхъ школъ: исторія сохранила намъ извѣстіе о неудовольствіяхъ, которыя возникли у Паузе съ учениками и ихъ родителями именно по религіозному мотиву, и послѣ которыхъ училище вскорѣ закрылось. Сказывалась неудовлетворенность и другой московской школой, устроенной Яворскимъ и уже пускавшей свои развѣтвленія и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ русскаго государства, благодаря

архіереямъ кіевскаго образованія. Предъ московскими людьми предносился образъ иныхъ епархіальныхъ школъ, иной «великой академіи», — въ духѣ и тонѣ жившихъ въ великой Россіи стремленій къ православному знанію. Въ этомъ отношеніи очень знаменательно было появившееся въ то время (въ 1705—1707 годахъ) «писаніе» великорусскаго крестьянина Посошкова къ мѣстоблюстителю патріаршаго престола о томъ, «еже-бъ Россію ученіемъ просвѣтить», «наипачежъ священниковъ», «аще бо они научатся, то и насъ научатъ». Посошковъ намѣчалъ цѣлый проектъ училищнаго дѣла, причемъ, захватывая русскія тенденціи образованія, какъ-бы и не признавалъ наличной академіи, пріютившейся въ Москвѣ подъ покровительствомъ митрополита Стефана [1]).

Въ началѣ дѣла слѣдовало-бы, писалъ Посошковъ, приготовить необходимыя книги: «состроить *грамматику на славянскомъ языкѣ* съ добрымъ исправленіемъ» и съ яснымъ толкованіемъ грамматическихъ правилъ, чтобы можно было даже «и безъ учителя хотя отчасти дознаватися»; затѣмъ «и иныя, философскія книги, кои по грамматикѣ ко ученію книжнаго разума надлежатъ, *преведя на славянскій языкъ*, такожде исправить добрымъ исправленіемъ, и устроя напечатать же». «И для россійскія славы, наипачежъ ради духовныя пользы, довелось бы въ Россіи состроить академія великая, всѣхъ наукъ исполненная, дабы въ великой Россіи великая и академія была», и учить въ ней всякихъ чиновъ людей туне, «и собрать учителей благочестивыхъ высокоученыхъ отъ различныхъ странъ», а буде въ Греціи и въ иныхъ православныхъ странахъ самыхъ высокоученыхъ людей не обрящется, то по нуждѣ хотя и изъ лютерскіе вѣры какова учителя достать, точію бъ управленіе тоя академіи и въ начальствѣ былъ благочестивый христіанинъ, и смотрѣлъ-бы онъ накрѣпко, дабы въ ученіи не прозябла какая ересь».

---

[1]) Мы читали «писаніе» Посошкова въ рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Императорской академіи наукъ.

Изъ этой великой общенародной русской академіи, напоминающей ту, что была предположена при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, можно было бы вскорѣ же выбрать «учениковъ добрыхъ, кои-бъ грамматическому разуму по славенски научити могли», и отправить ихъ учителями въ школы, учредивши послѣднія «въ городахъ во всѣхъ епархіяхъ» и по возможности «въ обителяхъ нарочитыхъ, а у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ мочно быть и цѣлой академіи». Въ школы собирались бы какъ дѣти духовенства, такъ и «не церковничьи дѣти». Школьники стали бы изучать, во-первыхъ, родной славянскій языкъ по тѣмъ новоисправленнымъ руководствамъ, которыя будутъ изданы и разосланы во всѣ училища. «Хотя едину орѳографію выучатъ и правописаніе познаютъ, — замѣчалъ Посошковъ касательно безспорной пользы изученія славянской грамматики,—то въ новоисправленныхъ книгахъ могутъ исправленіе рѣчи разумѣти, кои право исправлены, или кои и неправо, и раскольникамъ, упирающимся о новоисправныхъ рѣчахъ, будутъ разсуждать, и мало по малу станутъ и раскольники правость въ книгахъ познавать и отъ недознаннаго упорства обращатися будутъ». Кромѣ учителей славянскаго языка въ школахъ Посошкова проектировались «приставники» или «предводители», избираемые изъ «иноковъ, или изъ церковныхъ причетниковъ, или отъ простолюдиновъ, добрыхъ и разумныхъ, и Бога боящихся, и въ Писаніи довольныхъ, и о всякой пользѣ рачительныхъ». Ихъ заботамъ и вліянію преимущественно ввѣрялось умственное и нравственное образованіе учениковъ. Приставники должны были учить школьниковъ «книжному чтенію, и всякому благонравію, и страху Божію, и кругу церковному», требовать отъ нихъ «чтомаго дѣла отвѣту и толкованія», объяснять непонимавшимъ, «что коя рѣчь въ себѣ содержитъ», заставлять ихъ иногда «и доспытаціи отъ святаго Писанія между собою чинить», чтобы они умѣли «разсуждать право». Для успѣшнѣйшаго достиженія будущими епархіальными училищами такой цѣли Посошковъ совѣтовалъ составить и напе-

чатать для нихъ книгу «о различіяхъ вѣръ и о различіяхъ ересей». Въ этой книгѣ, по плану Посошкова, надлежало сообщить точныя свѣдѣнія о всѣхъ существовавшихъ ересяхъ, передать исторію каждой и показать, «что въ ней было противности св. восточной церкви». Необходимо было затѣмъ изложить, «какъ и отъ чего лютеранская, и кальвинская, и католитская, и унеятская вѣра началась, и на чемъ тѣ еретическія вѣры утверждены, что по сіе время онѣ стоятъ въ своихъ бытностяхъ непоколебимо, такожде и наша благочестивая вѣра что при тѣхъ вѣрахъ правости въ себѣ содержитъ, и чѣмъ кая вѣра отъ насъ разнствуетъ». При этомъ слѣдовало съ основательностію изложить истины православной вѣры, «на чемъ она утверждается, и учинить ей твердую ограду, еже-бъ единыя диры не оставить, коя-бъ не ограждена была, или отпоръ не учиненъ былъ». Далѣе въ книгѣ «хорошо-бъ показать и бусурманскихъ вѣръ уставы», чтобы знать, «въ чемъ надежду спасенія своего полагаютъ» турки, персы, татары, калмыки и черкесы; хорошо бы «и о жидовствѣй вѣрѣ изъясненіе учинить»; только при сочиненіи книги нужно было позаботиться, «чтобы на какую вѣру лишняго, чего у нихъ нѣтъ, не написать». Проектируемая книга должна была занять въ школахъ весьма важное мѣсто и съ пользою служить для просвѣщенія православной мысли русскихъ людей, и въ особенности для совершенствованія «пастырскаго разума». При пособіи такой книги русскій священникъ могъ-бы «отповѣдь давать и *ученымъ людемъ иноземцамъ*, и инымъ всякимъ еретикамъ, и бусурманамъ и жидамъ, а не то что буимъ и раскольникамъ». Въ виду этого ученикамъ, хотящимъ пресвитерства, слѣдовало «наипаче иныхъ наукъ давать тѣ книги о различіяхъ вѣръ и о различіяхъ ересей, чтобъ всякой ставленникъ о всякой ереси изустно могъ сказать, и чтобъ онъ прежде посвященія своего ко спасенію человѣческому и къ защищенію вѣры готовъ былъ».

Въ умныхъ заявленіяхъ Посошкова распорядители судебъ русской школы могли услышать серьезное напоминаніе о жи-

выхъ потребностяхъ русскаго просвѣщенія,—если бы способны были съ живымъ пониманіемъ отнестись къ заявленіямъ великорусскаго выразителя общественной мысли. Но верхнимъ людямъ не было дѣла до народныхъ желаній,—и письмо Посошкова прошло безслѣдно. Высшій представитель церкви продолжалъ «протекторскія» заботы о своей латинской академіи; епархіальные архіереи изъ кіевлянъ заводили разсадники кіевской схоластики по епархіямъ; свѣтское правительство съ своей стороны сочиняло свою школьную систему, начавъ съ созданія новыхъ училищъ для распространенія элементарнаго образованія въ Россіи.

Узаконенія о такъ называемыхъ «цифирныхъ» школахъ, явившіяся съ 1714 года, были первымъ починомъ государства въ этомъ направленіи. Архіерейскіе дома и знатные монастыри получили предписаніе отводить помѣщеніе для этихъ школъ, также какъ и для учителей; въ учители назначены были по губерніямъ ученики математическаго класса морской академіи, уполномоченные открыть въ Россіи обученіе «молодыхъ ребятокъ изъ всякихъ чиновъ людей цифири и нѣкоторой части геометріи» [1]). Нужно-ли говорить, съ какимъ предубѣжденіемъ русскіе люди, свободно искавшіе себѣ въ школьномъ ученіи нравственнаго просвѣтлѣнія, должны были встрѣтить эти новыя государственныя училища, хотѣвшія создать русское народное образованіе на изученіи цифири и нѣкоторой части геометріи. И вотъ,—насилія составили обстановку перваго знакомства родителей и дѣтей со школой, созданной по соображеніямъ внѣ-народнаго происхожденія. Администрація для открытія цифирныхъ училищъ понуждала учениковъ къ той наукѣ высылкою въ неволю, отцамъ и свойственникамъ убытки и утѣсненія чинила, держала въ тюрьмахъ и за карауломъ [2]).

Одновременно съ этими элементарными просвѣтительными

[1]) *Владимірскій-Будановъ*, Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в., ч. I, стр. 14 и слѣд.

[2]) Тамъ же, 18—23.

хлопотами, въ правительственной сферѣ готовились мѣры къ дальнѣйшему развитію русскаго образованія,—писались проекты, авторитетными составителями которыхъ выступили иноземцы. Былъ поданъ цѣлый рядъ разнообразныхъ предположеній, въ которыхъ предстояло разобраться русскому правительству [1]). Одни изобрѣтали способы «нетруднаго обученія и воспитанія россійскихъ младыхъ людей, чтобъ оныхъ въ малое время въ такое совершенство поставить, дабы всѣ гражданскіе и воинскіе чины въ коллегіяхъ, губерніяхъ, судахъ, канцеляріяхъ и магистратахъ и прочая природными *подданными* наполнить». Другіе проекты были серьезнѣе: одинъ рекомендовалъ такую школу для свѣтскаго и духовнаго класса, цѣлью которой было прославленіе св. Троицы; предположенія Лейбница объ организаціи образованія въ Россіи цѣлію послѣдняго выставляли не интересы государства, а «блаженство людей». Проектовъ было много, но ни одинъ изъ нихъ и вопроса себѣ не ставилъ о какихъ-то правахъ русскихъ людей на самобытность и, быть можетъ, нѣкоторую не-европейность своего просвѣщенія.

Произошла, какъ можно видѣть, величайшая путаница въ школьномъ русскомъ дѣлѣ, потерявшемъ свою опорную точку. «Изнемогали отъ жалости» удаленные отъ него лучшіе люди московскаго общества, видя это искаженіе основныхъ чертъ роднаго образованія. За то въ «западной части» выразилась радость по поводу новаго положенія вещей, отпявшаго вліяніе у «восточниковъ» и предоставившаго латинникамъ «*водить* русскаго человѣка, *якоже имъ возмнится*». Одинъ изъ латинниковъ, юрьевскій архимандритъ Гавріилъ Домецкій, вспомнивъ позоръ кіевлянъ на московскомъ соборѣ 1690 года, написалъ теперь спеціальное сочиненіе, въ которомъ оправдывалъ кіевскія мнѣнія, осужденныя на томъ соборѣ и опровергнутыя въ московской книгѣ «Остенъ». Въ своихъ возраженіяхъ на это великорусское сочиненіе пред-

[1]) *Пекарскій*, Исторія Имп. академіи наукъ, I, XX—XXIV.

ставитель латинниковъ высокомѣрно выставлялъ на видъ, что «книга Остенъ начата и писана не авторскимъ чиномъ, не ученымъ», и, превознося кіевскую ученость, выражалъ крайнее презрѣніе къ московскимъ богословамъ, которые, не смотря на невѣжество свое въ ученомъ дѣлѣ, смѣли унизить кіевскихъ ученыхъ и обличить ихъ въ латинскихъ новшествахъ, забывъ ихъ «высокія науки и защищеніе церкве восточныя отъ латинъ въ отвѣтахъ премудрыхъ», забывъ также, что «не слышеть досюду, ежебы папежники въ стяжаніи о вѣрѣ кіевскихъ богослововъ одолѣли и чтобы «гдѣ и кто инъ бы защищалъ церковь св. восточную отъ наглыхъ устремленій папежскихъ». Но укоризны и насмѣшки пришлыхъ мудрецовъ не могли смутить людей, увѣренныхъ въ правдѣ своего дѣла,—и они предприняли всѣ бывшія для нихъ возможными усилія, чтобы поддержать интересы этого дѣла, чтобы создать «вѣрному народу благоутишную пристань» для оплота отъ разныхъ школьныхъ вѣяній.

Вскорѣ же (въ концѣ 1704 года) явилась замѣчательнѣйшая отповѣдь вышеназванному апологету западной учености,—«Сто пять отвѣтовъ», написанные Дамаскинымъ, простымъ іеродіакономъ Чудова монастыря, нигдѣ въ коллегіяхъ не учившимся. Это было новое вдохновенное проявленіе велико-русской мысли, протестовавшей противъ современнаго школьнаго направленія. Величіемъ той идеи просвѣщенія, которая жила въ Россіи, отмѣчены были эти сильныя рѣчи, и въ конецъ разбивали они пустую діалектику Домецкаго, и все ничтожество этой, ненавистной русскому человѣку, схоластики, одну «гордость ума» развивавшей, показывали. Вдумайтесь, читатель, напр., въ эти чудныя, исторически знаменитыя слова простаго велико-русскаго человѣка начала XVIII вѣка [1]).

«Гдѣ вы, новіи мудрецы, взяли сей разумъ, еже токмо по

---

[1]) Мы читали «Сто пять отвѣтовъ» Дамаскина въ рукописи, принадлежащей петербургскому протоіерею І. К. Яхонтову.

латинѣ поучатися вамъ а, бе, це, де, или мало вящше, и отъ таковыя науки востаете, якобы отъ превысокія нѣкоея, толь величавы, укорительны же и дерзи, яко всякій санъ и преимущество ни во что же вмѣняете, аще архіереа, аще священника, или искусна и вѣдуща силу святаго Писанія, и всѣхъ неуками и невѣждами нарицаете, глаголюще: «онъ-сица не вѣсть авторскаго чина, ни политики». Мы убо хвалимъ науки свободныя, но чрезъ таковаго человѣка дѣйствуемыя, иже со страхомъ самъ слушаетъ и дѣластъ велѣнія божественныя; а иже въ безстрашіи пребываетъ и въ ластехъ, таковаго не токмо пользуютъ науки схоластическія, но вреждаютъ весьма: по преизлиха-бо тогда въ таковомъ чрезъ науки движимъ свирѣпѣетъ помыслъ, вращаяся на безмѣстная, и таковый схоластикъ бываетъ по преизлиху пакостникъ церковный и ересеизобрѣтатель, нежели неученый». Заносчивая похвальба Домецкаго научнымъ методомъ и чудными отвѣтами кіевлянъ выпаруживалась во всей своей легкомысленности предъ этими высокими требованіями отъ просвѣщенія, предъ этимъ глубокимъ проникновеніемъ въ дѣло. «А еже извѣствуеши, — говорилъ нашъ Дамаскинъ Домецкому, — яко многая ученіа тамо и чудны отвѣты въ Кіевѣ, мы отъ тебе вмѣсто того хощемъ слышати отъ ученій и отъ отвѣтовъ бываемый плодъ: си есть: престала-ли уже — рцы — папежьская мудрованія? исчезе-ли уніатское примышленіе? еда нѣколико толико отъ нихъ въ число восточныхъ на кійждо день или лѣто бываетъ, и никтоже отъ восточныхъ папежствовати кіевскихъ ученій ради хощетъ? Уже-бо Кіевъ всѣмъ западнымъ изсвѣтляетъ въ примрачныхъ гадапіяхъ святое писаніе лежащее. Кіевъ нынѣ папежникомъ изъявляетъ евангеліе и разумовъ изложеніе. Кіевъ уніатомъ открываетъ филосовски апостольское ученіе. Не вземлетъ ногу кіевскій ученикъ до училищъ ромскихъ, но ромстіи ученицы къ Кіеву утренъ путь сотвориша, и не первѣе вкусивше ученія, допдеже исповѣдавшеся въ Кіевѣ и именемъ Божіимъ обовязавше кійждо свою душу, еже до конца жизни хранити и

вѣровати, якоже восточное благочестіе содержитъ: и тако навыкше, получивше же и свидѣтельство ромстіи въ Кіевѣ яко совершеннїи богословы, и тако отыдоша. Сице, Гавріиле, аще бы рекълъ еси, послушали бы таковая радостно»... Чувствовали и высказывали невѣжды московскіе, не въ примѣръ умникамъ отъ западной учености, что безплодна наука, изъчужа взятая и самостоятельныхъ корней въ родной жизни не имѣющая, что нѣтъ у просвѣщенія такого будущности и не станетъ оно силой, живой и непреодолимой. «Нѣсть намъ нужды до латинниковъ никоеяже, мощно и премощно намъ быти безъ нихъ, всуе льстятъ насъ они», — повторяли ревнители народной школы, продолжатели задачъ, завѣщанныхъ нашему образованію до-Петровской Россіей.

Когда въ 1704 году въ Москву пріѣхалъ одинъ образованный грекъ, іеромонахъ Серафимъ, то между тѣми, что «многажды говорили» съ нимъ объ устройствѣ въ Москвѣ «школы еллинскаго языка, понеже нуженъ есть и разумѣется отъ всѣхъ людей, ради свойствъ наукъ, особливо о богословіи, и просто о вѣрѣ христіанской, паче же о нашей»,— искреннѣе всѣхъ, безъ сомнѣнія, были епиѳаніевцы. Можно догадываться, что была у нихъ при этомъ мысль взять въ свои руки училище Глюка, — который умеръ въ 1705 году и мѣсто котораго пытался занять Серафимъ[1]),—и воспользоваться этимъ училищемъ, какъ подспорьемъ для учрежденія православно-русской школы въ противовѣсъ латинской академіи. Но Серафимъ вскорѣ же безъ успѣха долженъ былъ оставить Москву, и они отдались другому плану для осуществленія завѣтныхъ стремленій. То, что не удалось въ Москвѣ, они задумали продолжить въ Новгородѣ, при помощи тамошняго митрополита Іова, просвѣщеннѣйшаго изъ великорусскихъ архіереевъ того времени, близкаго къ епиѳаніевцамъ по своей прежней службѣ и поддерживавшаго съ ними постоянныя сношенія.

---

[1]) *Смирновъ*, Исторія моск. сл.-греко-лат. академіи, стр. 82—83.

Современное колебаніе русскихъ дѣлъ затронуло было и новгородскаго митрополита. Еще въ 1702 году онъ сбирался пригласить къ себѣ какого-то высокоученаго и благочестиваго учителя-грека изъ Бухареста, но потомъ поддался вліянію Гавріила Домецкаго,—съумѣвшаго занять мѣсто архимандрита въ юрьевскомъ монастырѣ,—и сталъ «сими и сицевыми вѣтры яко трость наклоняться». Однако сто пять отвѣтовъ іеродіакона Дамаскина Домецкому, отправленные авторомъ къ новгородскому митрополиту, съ горячими рѣчами противъ «западной части», и убѣдительныя письма чудовскаго кружка къ Іову [1]) указали ему дѣйствительный смыслъ событій, происходившихъ въ умственномъ мірѣ Россіи, и рѣшающее значеніе того или другаго исхода настоящаго момента для будущей судьбы русскаго просвѣщенія. Не медля началъ русскій митрополитъ энергичныя заботы о возрожденіи въ Новгородѣ тѣхъ своезмныхъ ростковъ образованія, которые чахли въ Москвѣ за невозможностью ухода за ними. Вскорѣ же ему удалось выхлопотать дозволеніе государя на вызовъ въ Новгородъ удаленныхъ изъ Москвы учителей старой академіи братьевъ Лихудовъ; вмѣстѣ съ ними пріѣхали для помощи имъ «старые ихъ нѣкоторые ученики» — великоруссы. Для училища выстроено было на счетъ софійской казны особое обширное зданіе. На первыхъ же порахъ собралось въ школу до ста учениковъ «изъ разныхъ чиновъ» и «всякаго возраста»,—и съ 1706 года стало укореняться въ Новгородѣ «славяно-греческое ученіе во общую христіанскую пользу русскаго царства». Вслѣдъ затѣмъ къ родному разсаднику образованія готовились примкнуть и другія туземныя умственныя силы Москвы, влекомыя мыслью сосредоточить тамъ при немъ ученую и издательскую дѣятельность, подавленную на московскомъ печатномъ дворѣ. Справщики и переводчики московскіе,—«новопреведенныя и исправленныя книги которыхъ

[1]) Эти письма были напечатаны въ «Духовной Бесѣдѣ» за 1872 годъ, №№ 46—48.

лежали подъ покровомъ невѣдѣнія, а о умноженіи ихъ радѣніе отлагалось, къ великой радости латинской части», — «весьма желали присутствовать» у митрополита новгородскаго, и послѣдній усердно хлопоталъ о томъ, чтобы ихъ отправили изъ Москвы къ нему, и чтобы ему было дозволено завести типографію при своемъ училищѣ. Въ Москвѣ не безъ ревности посмотрѣли на живыя и энергическія начинанія новгородской школы, и хотя не порвали совсѣмъ, однакожъ ослабили ея дѣятельность. Переводчиковъ не послали; Софронія Лихуда, отправившагося въ Москву за типографскими станками и учеными пособіями, не пустили назадъ въ Новгородъ; приговорили-даже обоихъ Лихудовъ, и вмѣстѣ съ помощниками, «взять изъ Новгорода по прежнему къ Москвѣ и учить имъ въ школахъ греческому языку»; однако потомъ уступили новгородской школѣ стараго Іоанникія, оставивъ у себя младшаго брата. Всѣ мольбы Іова, чтобы возвратили ему Софронія, ни къ чему не повели; большія хлопоты потребовались, чтобы удержать при школѣ даже одного Лихуда; и предсмертная просьба митрополита, въ 1716 г., была о томъ, чтобы не брали учителя изъ Новгорода, „доколѣ данные ему ученики потребнаго св. церкви ученія совершенство постигнутъ, дабы то ученіе, во общую христіанскую пользу еще вкореняющееся, не истребилося». Но Іоанникій оказался уже не въ силахъ окончить образованіе новгородскихъ учениковъ; совсѣмъ одряхлѣвшій, онъ въ томъ же году уѣхалъ къ брату въ Москву, гдѣ вскорѣ и умеръ. Вести далѣе, «поновлять» ученіе было некому; учителями стали старшіе ученики школы [1]).

Возникала, кромѣ новгородской, и еще школа, на строѣ которой также было замѣтно вліяніе епиѳаніевцевъ. Въ тотъ самый годъ, когда готовилась латинская реформа московской академіи, жилъ въ Москвѣ батуринскій игуменъ Дмитрій Туп-

[1]) Подробнѣе о новгородскомъ училищѣ можно читать въ нашей статьѣ: «Новг. епарх. школы въ Петровскую эпоху». Христ. Чт., 1877, мартъ.

тало. Получившій свое богословское образованіе внѣ стѣнъ кіево-могилянской коллегіи, не причастный схоластикѣ, онъ близко сошелся съ учеными чудовскаго братства [1]) и, безъ сомнѣнія, послѣдніе не могли не ввести его въ тѣ интересы русскаго школьнаго дѣла, за которые они ратовали. Поступивъ вслѣдъ за тѣмъ въ 1702 г. на каѳедру въ Ростовъ, митрополитъ Димитрій не замедлилъ учредить при своемъ домѣ школу и придать ей характеръ, существенно отличавшій ее отъ современныхъ схоластическихъ академій и коллегій русскаго государства. Въ ея курсѣ мы видимъ языкъ славянскій, греческій, законъ Божій. Латинскій языкъ не сталъ средоточіемъ обученія и въ самое его преподаваніе даже по учебнику Альвара введена была живая струя: правила латинскаго языка сопоставлялись съ грамматикой отечественнаго языка, объяснялись примѣрами, взятыми изъ окружающей жизни, а еженедѣльныя упражненія, назначаемыя ученикамъ для перевода, отвѣчали общему стремленію школы дѣлать все преподаваніе орудіемъ нравственнаго воспитанія. Риторика и стихосложеніе также не привлекли исключительнаго вниманія. Сохранилось одно письмо митрополита Димитрія, въ которомъ хорошо высказался его здравый взглядъ на подобныя занятія: «Богъ далъ,—замѣтилъ онъ по поводу полученной имъ книги черниговскаго митрополита І. Максимовича—«Богородице Дѣво», состоявшей изъ 25,000 силлабическихъ стиховъ,—тѣмъ виршеписцамъ типографію, и охоту, и деньги, и свободное житіе: мало кому потребныя вещи на свѣтъ происходятъ, а самыя нужнѣйшіи подъ спудомъ лежатъ». Собственные письменные труды ростовскаго святителя находились въ живомъ отношеніи къ обще-русскимъ потребностямъ. Въ томъ же направленіи онъ стремился повести и образованіе своихъ школьниковъ. Онъ самъ толковалъ имъ Новый Завѣтъ и нѣкоторыя книги Ветхаго; въ своемъ «лѣтописцѣ», «идя путемъ священной исторіи, не исключая

[1]) Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій. М. 1849. Стр. 41—42.

совсѣмъ и свѣтской", онъ «мѣшалъ исторію и толкованіе св. Писанія и нравоученіе, между прочимъ для того, чтобы иногда къ проповѣди что годилося» тѣмъ изъ воспитанниковъ, которые будутъ священниками; послѣ лѣтописца «зѣло желалось» ему «изъяснить краткимъ толкованіемъ Псалтирь»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшилъ издать библейскую исторію, «книжицею не зѣло великою и умѣренною, чтобъ могъ всякъ недорого купити и удобно о всѣхъ, яже въ Библіи, увѣдати исторіяхъ, каковымъ идутъ порядкомъ». «Но Богъ вѣсть, совершится ли то,—писалъ святитель:—помышленіе за моремъ, а смерть за плечами; а еще и времена нынѣшніи отнимаютъ разумъ и охоту къ книгописанію, молчитъ ученіе во время шуму оружія» [1]). Смерть дѣйствительно пресѣкла при самомъ началѣ (въ 1709 г.) полезную дѣятельность ростовскаго митрополита для русскаго образованія; но и безъ того школѣ его, какъ и школѣ новгородской, едва-ли бы пришлось дѣйствовать съ желаннымъ успѣхомъ, среди обстоятельствъ времени, на которыя между прочимъ намекалъ святитель Димитрій.

Однимъ такого рода обстоятельствомъ оказывалась отчасти матеріальная несостоятельность церкви, земельныя имущества которой перешли въ вѣдѣніе и распоряженіе государственной власти. Наложивъ свою «прекрѣпкую руку на толико пребогатыя митрополіи, преизобилующія архіепископіи, величайшая монастыри», свѣтское правительство скупо и даже съ негодованіемъ выдавало изъ новыхъ своихъ обильныхъ доходовъ сравнительно самыя незначительныя суммы для обезпеченія школьныхъ предпріятій русскихъ архіереевъ, хотя, отбирая имущества у церковныхъ учрежденій, и обѣщало организовать матеріальную обстановку послѣднихъ. По указамъ, удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей школьнаго дѣла въ епархіяхъ было сдано на обязанность монастырскаго приказа, а въ дѣйствительности оказывалось, что приказъ, вмѣ-

[1]) Древняя Рос. Вивліоѳ., изд. 2, ч. XVII, стр. 50—51. 53. 65.

сто обзаведенія и поддержки архіерейскихъ училищъ, ставилъ имъ только препятствія. Довольно припомнить полное сердечной скорби письмо Димитрія ростовскаго къ Іовуѵ новгородскому о разстройствѣ основанной въ Ростовѣ школы изъ-за монастырскаго приказа: «понеже вознегодоваша питающіи насъ, аки-бы многая исходитъ на учители и ученики издержка, и уже вся та, чѣмъ дому архіерейскому питатися, отъ насъ отняты суть... оскудѣвше убо во всемъ, оскудѣхомъ и во ученіяхъ» [1]). И не только епархіальныя школы, а и сама московская академія имѣла постоянные поводы жаловаться на монастырскій приказъ [2]).

Но не въ матеріальной бѣдности епархіальныхъ школъ,—которую, вмѣстѣ съ ними, испытывали училища, основанныя и для спеціальныхъ потребностей государства [3]),—заключалась существенная помѣха движенію школьнаго вопроса въ своеземномъ направленіи. Она коренилась въ томъ новомъ строѣ отношеній государства къ церкви и обществу, который создавало Петровское правительство, отдавшись на служеніе чужому, теоретическому государственному идеалу. Русскій человѣкъ въ этомъ новомъ строѣ,—по одному удачному выраженію,—сталъ казенною вещью, а его церковь, вѣра и наука—какъ бы государственными принадлежностями. Бѣда была въ томъ, что вмѣстѣ съ матеріальными жертвами русскій народъ православный принужденъ былъ нести въ жертву государству интересы своего духа, дѣла своей мысли, самобытность своей жизни, отдать свой умъ въ государственную и чужеземную опеку. Лучшіе туземные представители

---

[1]) Труды кіев. дух. академіи, 1860, кн. 2, стр. 282—284: «Неизданныя письма святителя Димитрія Ростовскаго». Тоже письмо напечатано въ Чтен. Моск. общ. исторіи и древн. Рос., 1866, кн. 2, стр. 113—114.

[2]) *Чистовичъ*, Ѳ. Прокоповичъ и его время, стр. 31. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XVI, стр. 306—307. *Петровскій*, О сенатѣ въ царствованіе Петра В., стр 318.

[3]) Морская, напр., академія, любимое дѣтище Петра В., была стѣснена такими же вопіющими нуждами, оставшимися безъ удовлетворенія. *Веселаго*, Очеркъ русской морской исторіи, стр. 606—607.

церкви,—руководительницы православнаго русскаго самоусовершенствованія,—должны были первые почувствовать это преобладаніе государственнаго начала надъ духовнымъ. «Намъ архипастыремъ уже до церкви и до народа христіанскаго, каковъ врученъ намъ отъ Бога, и дѣла стало нѣсть», говорилъ «въ горести души и въ болѣзни сердца» новгородскій митрополитъ Іовъ, указывая на новые, «несносные и невозможные», порядки, измѣнявшіе положеніе церковно-общественныхъ дѣятелей и отнимавшіе у нихъ свободу и самостоятельное значеніе даже въ области прямой ихъ дѣятельности,—отражавшіеся, въ частности, и на экспериментахъ по народному образованію. Когда въ 1714 г. Петровское правительство «милостиво соизволило во всемъ царствѣ всякаго чина людей учить ариѳметикѣ и части нѣкоторой геометріи» при архіерейскихъ домахъ и знатныхъ монастыряхъ, «дабы изъ тьмы необученія просвѣтить науками»,—то оно не вспомнило о тѣхъ архіерейскихъ домахъ, при которыхъ существовали свои центры просвѣщенія. Дѣло русской школы должно было слѣдовать по волѣ и потребностямъ государства, обходя предпріятія, направленныя къ самоустройству отечественнаго просвѣщенія. Попытки защиты этихъ предпріятій казались теперь на взглядъ правительственныхъ людей почти преступленіями. Съ этой точки зрѣнія характерно было возникшее въ 1720 году дѣло о заведеніи цифирной школы въ Новгородѣ. Опасаясь за цѣлость новгородскаго училища, архіерейскій домъ хотѣлъ было отклонить отъ себя выполненіе правительственнаго указа объ отводѣ помѣщенія для цифирной школы и объ отсылкѣ въ нее дѣтей духовенства. Управители дома обратились съ особой просьбой объ этомъ къ правительству, имѣя впереди себя примѣръ купецкихъ людей, которые успѣли исходатайствовать своимъ дѣтямъ свободу отъ цифирной науки, «хотя и не зѣло сильное показали извиненіе», сославшись только на убытокъ, какой можетъ потерпѣть государственная казна вслѣдствіе привлеченія ихъ къ новой школѣ. Съ своей стороны управители имѣли болѣе сильное, какъ имъ

казалось, извиненіе, и разъясняя правительству, что при новгородскомъ архіерейскомъ домѣ цифирной школѣ быть не надлежитъ и негдѣ, указывали на то, что у нихъ уже четырнадцатый годъ существуетъ школа, «св. церкви зѣло потребная», заведенная митрополитомъ Іовомъ, съ клятвой завѣщавшимъ неизмѣнно поддерживать эту «блаугоутишную пристань вѣрному народу». Вопреки однако ожиданіямъ новгородской школы, затѣянный ею протестъ возбудилъ великое негодованіе въ правительственной сферѣ. Начальникъ цифирныхъ школъ морской академіи Скорняковъ-Писаревъ въ грозномъ письмѣ напомнилъ новгородскимъ властямъ объ исторіи, которая была съ новгородцами при архіепископѣ Пименѣ въ царствованіе Ивана Васильевича въ лѣто 7070, и—протестъ долженъ былъ кончиться почтительнымъ извиненіемъ управителей предъ «его изяществомъ», немедленнымъ отводомъ помѣщенія для правительственной школы и разсылкой послушныхъ указовъ епархіальному духовенству о безотговорочной выдачѣ дѣтей для цифирнаго ученія [1])...

---

Такимъ образомъ, съ наступленіемъ XVIII вѣка дѣло русской школы встрѣтили самыя неблагопріятныя обстоятельства, которыя существенно измѣнили его прежнее положеніе. Взявшись устроить его по собственной мысли, увлеченной западомъ, и не подмѣтивъ самостоятельнаго національнаго смысла въ направленіи русской школы, государство оторвало ея дѣло отъ живыхъ народно-православныхъ основъ, потеряло подъ собою почву и—стало путаться въ выборѣ и созданіи новыхъ системъ образованія, направлявшихся не къ интересамъ народнаго самосознанія, а къ внѣшней пользѣ государства или къ искусственному перениманію чужихъ схемъ развитія. Вмѣстѣ съ этимъ непосредственными хозяевами русской школы явились иноземцы и люди сторонніе, чуждые жизни и духу великорусскаго міра.

---

[1]) Подробности этого дѣла изложены въ вышеуказанной нашей статьѣ: «Новгородскія епарх. школы въ Петровскую эпоху».

Лучшіе люди послѣдняго, вѣрные началу, которымъ жила до-Петровская школа, употребляли всѣ усилія поддержать ея подорванное существованіе, дѣлали вѣщія предостереженія на счетъ подчиненія русскаго просвѣщенія «западной части», поразительно глубоко подводили итоги плодамъ кіевской ученности и обращали надежды свои на церковную власть, призывая церковь взять на себя забытыя государствомъ своебытныя задачи отечественнаго образованія. Но область церковнаго управленія представляла тогда собою одну изъ «разсыпанныхъ» государемъ «храминъ», на мѣстѣ которой онъ хотѣлъ создать новую, болѣе сообразную съ его взглядами.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ о школьномъ просвѣщеніи Россіи къ тому времени, когда Преобразователь ея рѣшилъ придать церковному русскому правительству ту же коллегіальную форму, которая по всѣмъ частямъ государственнаго управленія уже была признана наилучшею, и когда появившійся около государя знаменитый его сотрудникъ архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ получилъ отъ него порученіе сочинить для будущей духовной коллегіи регламентъ, въ составъ котораго между прочими статьями должны были войти и регулы *объ училищахъ*.

Е. Прилежаевъ.

# Издательство православной богословской литературы “АКСИОН ЭСТИН” (Санкт-Петербург)

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

## Посетите наш сайт в интернете по адресу:

## www.axion-estin.ru

**На сайте:**

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion-estin.ru**